

Звездные саги Алексея Бессонова

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА
★ АНГЕЛОВ ★

Мир Алекса Королева

Алексей Бессонов

Чертова дюжина ангелов

«ЭКСМО»

2000

Бессонов А. И.

Чертова дюжина ангелов / А. И. Бессонов — «Эксмо»,
2000 — (Мир Алекса Королева)

Великая Галактическая Империя стоит на пороге Большой Войны. Как и любое человеческое общество, ее раздирают внутренние противоречия и дразги. Трещит по швам даже основа величия Империи – ее Закон, и нередко случается так, что против него выступают те, кто обязан по долгу службы его защищать... В этот момент судьба Империи зависит от горстки офицеров СБ. Это им, проверенным бойцам, Хранителям старых как мир имперских Идеалов, предстоит распутать клубок жутковатой Тайны...

© Бессонов А. И., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Книга I	5
Глава 1.	5
Глава 2.	14
Глава 3.	20
Глава 4.	28
Глава 5.	36
Глава 6.	43
Глава 7.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Бессонов

Чертова дюжина ангелов

Книга I

Чертова дюжина ангелов

Глава 1.

Ночь приэкваториального пояса была не жаркой, скорее, бархатистой, и ближе к рассвету она начинала ласкать, как давно забытая рука матери, заставляя человека млеть и таять от странного, непонятного ему восторга. Те, кто родился и вырос здесь, на берегу могучего и таинственного океана, с детства знали о колдовстве волшебной предутренней мглы, обострявшей все чувства подобно наркотику – наверное, именно поэтому здешние девушки так ценились во всех мирах необъятной Империи – они созревали очень рано и на всю жизнь оставались томными чувственными кошками, способными воспламенить самого безнадежного мужчину.

Сидевший на галечном пляже человек мало походил на традиционного искателя любовных приключений. Во-первых, время шло к рассвету, и все, желавшие обзавестись подружкой на ночь, уже давно добились своего, а во-вторых, его задумчивый вид не особенно располагал к знакомству – проще говоря, он был вдребезги пьян.

Это был молодой мужчина довольно тщедушного телосложения с острым лицом, вокруг его скривившегося в хмельной ухмылке рта залегли хорошо заметные складки горького разочарования, длинный нос походил на клюв печального дрозда, но густо-синие глаза, обрамленные мелкой сеткой морщин, смотрели на море с холодной, совершенно трезвой презрительностью. Он сидел, не обращая никакого внимания на то, что прохладная волна лижет его ноги, обутые в спортивные туфли, и время от времени подносил к губам объемистую бутылку дешевого виски. Рядом с ним на гальке лежала коробка сигар и пакет с хрустящим картофелем: выпив, человек не глядя засовывал в него руку, бросал в рот пару поджаристых пластинок и долго, равнодушно жевал. Потом он поднимал валявшуюся возле бедра сигару, делал несколько затяжек и снова откладывал ее.

Над его головой мелькала многокрасочная голографическая вывеска казино, от которой к пляжу вели широкие мраморные ступени резервного выхода. Там, наверху, гремела музыка и кипели нешуточные страсти игроков – но для его уха прибой гудел сильнее, и задумчивый пьяница не обращал на шум ни малейшего внимания.

По камню мягко защелкали чьи-то каблуки. Человек с бутылкой повернул голову, едва заметно поморщился и сделал крепкий глоток. Из казино спускалась высокая девушка в коротком вечернем платье; мужчина не обратил на нее особого внимания и снова принялся задумчиво созерцать ленивый танец волны.

– Я вижу, что вы не все проиграли? – прозвучал над его ухом насмешливый молодой голос.

– Плевать, – невпопад ответил мужчина. – А вы... какого черта вы пялились на меня так, словно хотели просмотреть во мне дыру?

Девушка снова засмеялась.

– Я никак не могла вспомнить, где же я вас видела.

– Ну и как, удачно?

– Удачно... дайте-ка глотнуть. Я видела вас в конторе по найму экипажей. Агентство «Александр» – помните?

– Помню. Вы что, ищете работу?

– Я уже нашла. А вот вам, кажется, не особенно везет. У вас слишком большие запросы? Мужчина хмыкнул и вернул себе бутылку.

– Я не знаю, в чем тут дело, – признался он после нового глотка. – Запросы у меня весьма умеренные, так что проблема не в них. В принципе, я согласен на любое дело, но, с другой стороны, не идти же мне простым инженером!..

Девушка многозначительно заломила бровь.

– Вот даже как... вы пилот? И, конечно же, предпочли бы сразу занять место в рубке командира?

– Вы читаете мои мысли, – усмехнулся ее собеседник. – Боюсь только, что в реальность они не воплотятся.

– Ну почему же... – девушка поднялась на ноги. – Все может быть. Хотя, конечно, если вы сами не знаете, почему вас никто не хочет брать на службу... вас подвезти до города?

– Я останусь.

– Воля ваша. Кстати... – она помедлила, не решаясь задать вопрос, – как вас зовут?

Мужчина меланхолично дернул плечами и ответил, не оборачиваясь:

– Хикки.

– Хикки?.. это фамилия или имя?

– Это кличка. Просто Хикки, миледи – не более и не менее.

– Тогда счастливо оставаться, мастер Хикки. Может быть, завтра вам повезет больше.

* * *

Менеджер агентства «Даглас Линк» был столь же любезен, как и его коллеги, что исправно отфутболивали Хикки с глаз долой предыдущими днями. Правда, он оказался более разговорчив.

– Спору нет, – прошипел он, ознакомившись с документами кандидата, – такие люди нам, в общем-то нужны. Но вы уж посудите сами, мастер Махтхольф: человек вылетает из Конторы по состоянию здоровья... ранения мешали вам перебирать бумажки? Или я ошибаюсь, и должность начоперотдела требует значительных физических усилий?.. Это у нас будет раз. А что у нас будет два? А то, что по должности вам был положен генеральский чин – однако же вы, дожив к двадцати пяти до полковника, длинный меч так и не получили. Почему, спрашивается? А, мастер Махтхольф?

Хикки прекрасно знал, почему. Хуже было то, что об этом догадывался и менеджер – Хикки даже подумал, что он, может быть, тоже носил когда-то черный мундир Службы Безопасности.

Он решительно выбрался из кресла и протянул руку за кристаллодиском, уже вынутым из терминала. Менеджер поднялся следом.

– Мне очень жаль, мастер Махтхольф, – скорбно сообщил он.

Хикки понимающе кивнул, оправил на себе камзол и двинулся к двери. На пороге его остановил голос менеджера – ровный, уже лишенный служебной приторности:

– Погодите, полковник.

Хикки обернулся. Менеджер смотрел на него без улыбки, вообще без каких-либо эмоций.

– Ваша семья хорошо известна на этой планете, – негромко произнес он.

– Благодарю, – сухо ответил Хикки и покинул кабинет.

Он вышел из подъезда, ежась – день выдался неожиданно дождливым, – застегнул свой камзол почти под горло, так, что стало не видно щегольского алого галстука, и неторопливо побрел по тротуару. В отеле его ждала непочатая бутылка виски.

Сзади вдруг мягко прошуршали шины, и перед Хикки остановился недорогой колесный кар местной модели. Он не обратил на машину никакого внимания, но знакомый голос неожиданно вывел его из оцепенения, заставив поднять голову: рядом с каром стояла высокая темноволосая девушка, встреченная им на пляже.

– Мастер Хикки! – звала она. – Наконец-то!.. я искала вас все эти дни, объездила почти все местные агентства. Где вы были, старина? Я уж решила, что вы улетели.

– Я пил, – лаконично сообщил Хикки, несколько раздраженный ее появлением. – И как раз собирался продолжить это дело. Вы мне мешаете...

– Ну уж нет, – энергично возразила девушка. – Садитесь, живее. Я нашла вам работу.

Хикки досадливо поморщился. Эта метелка хочет оторвать меня от любимой соски?! – но, подчиняясь ее требовательному голосу, послушно распахнул дверцу и забрался в затемненный салон машины.

– Вы могли бы и представиться, – проворчал он, глядя как девушка пускает двигатель и выруливает на середину авеню. – И о какой работе вы там вещали? Я же говорил, что идти на борт «паяльником» мне несподручно.

– С командиром карго, на который я устроилась, вдруг приключилась какая-то беда, – объяснила девушка, – то ли ему проломили башку, то ли что-то еще – а вылетать надо срочно. Мои новые боссы страшно взвыли, и тут я вспомнила про вас. Судя по вашему виду, работу вы так и не нашли?

Хикки поморщился и нехотя кивнул.

– Не нашел... а какие условия?

– Ничего сложного – телега у нас типа «Олдридж», груз – какие-то полуфабрикаты, а идем мы на Мармон. Правда, без конвоя. Вас устраивает? Страховка, разумеется, двойная.

Хикки посмотрел на ее руки, уверенно лежавшие на руле. Руки были в его вкусе: сильные, с длинными, сухими пальцами. Он всегда оценивал женщину по рукам – стоило заметить пухлые капризные ладошки, и все, остальное уже не имело значения... он ненавидел даже легкую склонность к полноте.

– Как вас зовут? – резко переспросил он.

– Ирэн Валери, – ответила девушка, удивленная его тоном. – Капитан в отставке, летала на «Иеронимах». Я буду вашим первым пилотом. Вас что-то не устраивает?

Махтхольф качнул головой и откинулся в кресле. На линкорах балласта не держат, сказал он себе. Если девочка ходила на серии «Иероним Людендорф», свое дело она знает. Это уже что-то. Обормоты экономят, отправляют карго без конвоя – район, в принципе, тихий, но есть там пара мест, где может встретиться черт знает что; тренированный мозг отставного полковника уже проделал мгновенный расчет курса, и сейчас Хикки представлял себе путь на Мармон так отчетливо, словно проходил его не раз.

– Я служил в Конторе, – произнес он. – Это не напугает наших работодателей?

– СБ? – Ирэн покосилась на него с явным недоумением. – Но как?..

– Транспортная система, – коротко пояснил Хикки. – Выперли по состоянию здоровья – но допуск у меня, разумеется, полный.

– Какого же черта вам не сидится на пенсии?

– Это мои проблемы. Нам еще далеко?

– Два квартала. Почти приехали.

Машина крутнулась в сером лабиринте недорогих офисных строений и наконец замерла возле подъезда порядком запущенного многоэтажного здания прошлого столетия. На лобо-

вое стекло упали и тотчас же растаяли первые, крупные капли начинающегося ливня. Хикки поежился и машинально поправил ворот камзола.

– Идемте, – бросила Ирэн, выбираясь из кара.

Лифт остановился на одном из последних этажей.

Ступив через порог просторного кабинета, Хикки вдруг понял, что этот офис был снят совсем недавно и, самое главное, лишь на время – об этом говорил его вид, неухоженный и явно отдающий заброшенностью. Из-за широченного деревянного стола выбрался пухловатый мужик средних лет со спокойными серыми глазами.

– Вы нашли его? – обратился он к Ирэн, не глядя на Хикки. – Это он?

Девушка коротко кивнула. Менеджер развернулся к Махтхольфу и задумчиво пошевелил бровями.

– Давайте документы, – произнес он.

Хикки равнодушно протянул ему кристаллодиск в кожаном чехольчике и опустил в пыльное кресло возле окна. Из серого неба летели косые струи дождя. Да, сказал он себе, долго здесь не задержатся. Дерьмо никто не вычищал и не собирается. Кажется, эту контору сняли только для того, чтобы сформировать наш экипаж. Что ж, такое тоже случается.

Менеджер стремительно пробежался по невидимому для Хикки монитору и поднял голову:

– Вылет завтра утром, – сказал он. – Двенадцать тысяч, половина – авансом. Страховка двойная.

– Двенадцать аккордно, – не меняя позы, подал голос Хикки, – и наличными. Сейчас.

– А вы оригинал, – удивился менеджер. – А гарантии?

– А конвой? – поинтересовался Хикки, продолжая глядеть в окно. – А документы на груз и экипаж?

Он прекрасно понимал, что всю «сопроводилровку», за которую, по закону, он обязан расписываться перед получением денег, ему выдадут перед самым вылетом, когда бежать к прокураторам будет уже поздно. С подобным трюком Хикки сталкивался не раз и не два – сейчас ему было плевать, но вот деньги стоило брать сразу и все. Иначе терялся интерес.

Менеджер уважительно хмыкнул и развернулся вместе с креслом, чтобы открыть вмонтированный в стену сейф. Повозившись в его темных недрах, он бросил на стол три банковские пачки купюр.

Хикки привстал, молча сгреб их в карманы камзола и позволил себе улыбнуться:

– Идентификатор.

Спустя две минуты они с Ирэн покинули грязный псевдоофис и вышли на улицу. Девушка молча распахнула перед ним дверцу машины.

– Вы всегда такой болтливый? – спросила она, отъезжая от тротуара.

– Под настроение, – ответил Хикки. – Вы не переживайте, я еще успею измозолить ваши хорошенькие ушки. А пока отвезите меня в «Дерби». Номер 185-В, я жду вас завтра утром – так, чтобы мы успели.

День первый.

Когда Ирэн Валери распахнула дверь номера 185-В, оказавшегося люксом за пятьсот монет в сутки, ее хронометр, пискнув, показал восемь часов утра. Своего командира она обнаружила в спальне, занятого войной с непослушным галстуком. Он был плотно завернут в очень дорогой темный костюм; белая сорочка оттеняла щетину на подбородке и похмельные круги под глазами. Услышав ее шаги, Хикки плавно развернулся, отошел от зеркала, и ехидно прищурился.

– Мы созрели? – спросил он.

Девушка чуть вздрогнула: взгляд Хикки, острый и исполненный лукавства, слишком контрастировал с его обликом опустившегося аристократа. Впрочем, это длилось не больше секунды – синие глаза погасли, расплылись во вчерашнем безразличии, и он стал таким, каким она привыкла его видеть. Ирэн моргнула и поднесла к глазам руку с часами:

– Уже пора, командир.

Хикки подхватил с пола пару объемистых дорожных кофров и приглашающе боднул головой, пропуская ее вперед себя.

Эскадренный транспортник «Олдридж», если брать по уму, был совершенно не предназначен для действий одиночным порядком, так как вооружили его по формальному минимуму – конструкторы стремились уложить в лимиты тяги предельно возможную грузоподъемность. Вся эта серия была снята с вооружения довольно давно, и Хикки ожидал увидеть откровенную рухлядь. К его немалому удивлению, корабль оказался в отличном состоянии. Судя по всему, камион только что вышел из серьезного ремонта, продлившего ему жизнь еще на несколько лет.

Корабль ожидал его в одном из частных взлетных терминалов громадного космопорта. Под свежевыкрашенным трапом мялся вчерашний знакомец с объемистой папкой в руках.

– Я не опоздал? – любезно осведомился у него Хикки.

– Все в порядке, – буркнул тот, протягивая ему папку. – Численность экипажа – сорок два человека, включая восьмерых сопровождающих. Техосмотр пройден, боекомплект в пределах нормы...

– Опять экономим? – понимающе подмигнул ему Хикки. – В пределах нормы – по три выстрела на ствол?

– Чуть больше, – морщась, отозвался менеджер. – Какой вы, однако, знаток. График у вас самый что ни на есть мягкий, спешить не следует... ну, вы разберетесь. Мисс Валери представит вас экипажу и все такое.

– Да-да, – негромко промурлыкал Хикки, подходя к трапу. – Вот именно... все такое. Что ж, пожелайте мне счастливого пути.

– От всей души, – поклонился менеджер. – Дело ваше – деньги наши.

– Я понимаю.

Выйдя из распахнутого настежь шлюза в коридор нижней экипажной палубы, Хикки опустил на пол свои кофры и распахнул папку. Перед его лицом развернулся голографический лист таможенного свидетельства, украшенный всеми необходимыми визами. Хикки довольно улыбнулся, подхватил багаж и двинулся к лифтам.

– До старта у нас двадцать минут, – сказал он Ирэн. – Будьте любезны построить экипаж на ходовой палубе – я буду минут через пять.

Пластиковый ключ от командирских апартаментов находился там же, в папке. Впрочем, апартаментами это было назвать сложно: к ходовой командирской рубке примыкала лишь тесная двухсекционная каютка, состоящая из спальни и предбанника с санузлом. Зашвырнув один кофр в стенной шкаф – в лицо ему пахло затхлостью, – Хикки раскрыл второй и принялся переодеваться. Две минуты спустя он затянул на бедрах пояс с массивной кобурой и посмотрел в зеркало. Новенький комбинезон Военно-Космических Сил с полковничьими погонами несколько давил ему в плечах, но со временем это должно было пройти.

– Вот так, – процедил он сквозь зубы, нахлобучил на голову пилотку и вышел.

Строй ему не понравился. Разумеется, Хикки и не ждал, что экипаж коммерческого грузовика будет тянуться в струнку, но все же можно было и не подпирать задницами переборку так уж откровенно... При его появлении люди зашевелились. В глазах у большинства сквозило недоумение. Здесь, внутри довольно узкой касты астронавтов-карго, не любили вспоминать о синих мундирах, и уж тем более – носить их на борту. Да! Все они когда-то были членами экипажей боевых кораблей, и практически все покинули Флот отнюдь не по выслуге лет. Как пра-

вило, на грузовиках оседали те орлы, которые по каким-либо причинам не смогли выдержать пресс жесточайшей дисциплины и постоянного риска боевой службы. Хотя риска, конечно, хватало и здесь...

– Это мой первый выход на камионе, – очень тихо произнес Хикки, закладывая руки за спину. – Я слабо знаком с вашими обычаями и традициями, поэтому прошу не судить меня очень уж строго. Впрочем... – он помедлил, его взгляд на секунду задержался на широкой загорелой физиономии рослого мужчины в кожаной жилетке на голое тело, – я думаю, мы сработаемся. К старту, господа. Штурману прибыть ко мне для получения карт-лайна. По местам!

Строй развалился, люди не спеша поползли в свои рубки и кабины, готовясь занять места по стартовому расписанию. К Хикки подошел русоволосый молодой парень, стоявший на правом фланге рядом с Ирэн Валери. Его рука совершенно рефлекторно поднялась к правому виску – секунду спустя он опомнился и слегка покраснел.

– Вольно, – ободрил его Хикки. – Вы первый штурман?

– Лейтенант Ругач, – представился юноша. – То есть, конечно, бывший лейтенант. Мой карт-лайн, полковник?

Хикки сунул руку в нагрудный карман и протянул штурману тонкий пластиковый диск.

– Ваша физиономия внушает мне доверие. Вы тоже... дебютант?

Ругач вновь покраснел, как гимназистка, куснул губу и быстро кивнул, стараясь глядеть в сторону.

– Я так и понял – вы не похожи на этих головорезов. Хорошо! Зайдете ко мне после разгона. Или нет... – Хикки прищурился, размышляя, – лучше я к вам.

Не глядя на лейтенанта, Махтхольф развернулся и шагнул в сторону своего отсека. Прежде чем занять кресло в командирской рубке, он извлек из сумки плоскую бутылку с виски, свинтил прозрачную крышку и сделал небольшой глоток.

– Так будет лучше, – сказал он себе. – Ага...

Пост командира был отремонтирован всерьез и со вкусом: кто-то даже добавил полированные деревянные панели, совершенно неуместные в аскетически-утилитарном интерьере армейского грузовика, командовать которым положено всего лишь капитану. Хикки вздохнул. По флотским рангам ему полагалось командовать либо линкором, либо дивизионом фрегат... вспомнив хром и мягчайшую кожу командирского пульта на том же, к примеру, «Иерониме Людендорфе», Хикки кисло улыбнулся и, усевшись во вращающееся кресло, поставил перед собой початую емкость с благородной влагой.

– Командир на месте, – произнес он, включив интерком.

– Первый пилот к старту готов, – мягко пропел голос Ирэн, – доклады секторов приняты, готовность минута.

– Исполняйте, – отозвался Хикки.

«Я понадобится только на выходном посту, – подумал он, – и то, только в том случае, если смена попадет настырная. Раз документы в порядке – значит корабль проверен... и – или – за все уже уплачено. В любом случае я им тут нужен, как зайцу триппер. Можно заняться делом.»

Приложившись для верности к соске, Хикки извлек из нагрудного кармана кристаллодиск и всунул его в приемную прорезь командирского терминала. Перед ним замерцал, развернувшись, голографический экран. Хикки быстро набрал свой личный код, приложил ладонь к заранее включенному идентификатору и откинулся на спинку кресла.

«Для служебного пользования. Личная собственность начальника оперативного отдела Транспортной системы Имперской Службы Безопасности полковника Ричарда Махтхольфа. Выписка из служебного наставления за N... от... по боевой эксплуатации систем и агрегатов транспортной машины средней модели LL-2763-jYT, он же серия „Олдридж“, выпущенная разработкой „Northrop Space mec. corp.“

Через несколько минут Хикки довольно потер руки и отключил терминал. Теперь он смотрел на свой громоздкий пульт гораздо более уверенно, чем раньше. Разумеется, признаваться менеджеру в том, что «Олдридж» он видел только «на картинке», было глупо. Уходя со службы, Хикки позаботился о том, чтобы не остаться без потребной информации – возможностей у него было более чем достаточно.

Интерком вновь запел голосом Ирэн Валери.

– Командир, с вами хочет говорить старший выпускающей смены...

Рука Хикки скользнула по пульту, и перед ним возникла розовая, лоснящаяся от доброго корма физиономия таможенного чина.

– Сдвиньтесь правее, – недовольно проворчал тот, – вы не в «картинке». Точнее, не полностью.

– Вообще-то должен влезать целиком, – любезно отреагировал Хикки. – С кем имею?..

– Оперативный советник Трулли. Вот, теперь вы похожи сами на себя. Вы Махтхольф?

– С вашего позволения – полковник Махтхольф.

– Вижу, не слепой. Ну, все, – таможенник шмырнул носом и исчез. – Счастливого пути, – донесся его слабеющий голос из пустоты.

Хикки покачал головой. С цивильными чинами таможенной службы судьба свела его в первый раз. Глядя на лопающегося от жира красавца, он вспомнил те тысячи историй, что рассказывали ему приятели из 2-го Управления, занимавшиеся коррупцией в рядах служащих фискальных ведомств различных уровней и рангов. Тогда ему что-то и не верилось... но теперь!

– Внимание по экипажу, – позвал Хикки. – До окончания курсового разгона рабочих мест прошу не покидать. Если понадобится – я у себя.

«Во я прилип, – весело подумал он, – аж самому смешно. Вот и пошла коммерческая служба. Анекдот какой-то.»

Три часа спустя «Олдридж» прополз мимо поста Аврора-внешний и, содрогнувшись всем своим пузатым телом, взревел маршевыми двигателями. Разгон был недолгим. Передав по экипажу готовность два, Хикки сделал глоток и поднялся из кресла.

Он прошел в самый нос корабля, спустился по скрипучей короткой лесенке и отомкнул своим ключом дверь штурманской рубки.

– Как жизнь? – поинтересовался Хикки, ныряя в зеленоватый полумрак тесного, плотно забитого панелями и пультами помещения.

Ругач дернулся ему навстречу, но, вновь вспомнив, что он уже не на Флоте, вернулся в кресло.

– Нормально, – отрапортовал он. – Работа несложная.

– Ага, – хмыкнул Махтхольф, осматриваясь в поисках второго кресла, – по прямой, я слышал, любой дурак сможет. У нас, кажется, всего два поворота?

– Вы знаете? – удивился штурман. – Вы тут уже летали?

– Для этого мне и летать не нужно. У меня первый класс. И за штурвалом – тоже... сто сорок семь боевых и все прочее дерьмо.

– Где вы служили, командир?

Хикки скривился.

– Это неважно, где я служил. Я служил там, где люди не живут. Скажи-ка мне вот что: у тебя контракт на один рейс?

– Да... а что? Менеджер сказал, что они молодая компания и не могут позволить себе длительные страховки. Он сказал, что со мной пока будут заключать разовые контракты на каждую ходку.

– Из экипажа, ты, конечно, никого не знаешь?

– Откуда, командир?

Хикки поскреб затылок и внимательно посмотрел на лейтенанта, но не увидел в его глазах ничего, кроме простодушия и почтительной боязливости. Собственно, ничего иного он и не ждал.

– Иди отдыхать, парень, – произнес он, вставая. – Случись что – сразу ко мне.

Выбираясь из тесного лаза на ходовую палубу, Хикки почти уткнулся носом в прелестные ножки Ирэн Валери, обтянутые пикантными черными чулочками. Хикки шумно вздохнул и завопил на лесенке:

– Миледи, я не мешаю вашей милости?

– Ой! – взвизгнула девушка. – Черт возьми! Командир, это вы?.. откуда вы взялись?

– Из ада, – печально объявил Хикки, вылезая из дыры. – Что вы смотрите на меня, как на привидение? Я был у штурмана... а вы почему здесь?

– Дверь! – простонала Ирэн в полном отчаянии. – То ли у меня ключ заливает, то ли замок не совсем исправен. Я там забыла кое-что, понимаете?

– А! – понял ее Хикки. – Всего-то?

Подойдя к массивной бронедвери центральной ходовой рубки, он вмазал в прорезь свой ключ и довольно наклонил на бок голову: сервопривод послушно зажужжал, сдвигая много-тонную махину в сторону.

– А в первый раз у меня получилось нормально, – пожаловалась Ирэн, шустро просачиваясь вовнутрь.

Увидев, что возвращается она с обычной нашейной косметичкой, Хикки с трудом сдержал едкую улыбку.

– Я надеюсь, что вибраторы вы с собой не таскаете? – поинтересовался он.

– Фу, какие глупости! – краснеть она и не думала, и Хикки это очень понравилось. – Я же там не одна!..

– Я счастлив хотя бы этому, – вздохнул Хикки. – Ну что ж, идемте, я провожу вас до лифта.

В конце коридора он остановился и сказал негромко и серьезно:

– Ирэн, у меня к вам просьба, только без дураков: не болтайте в экипаже, что я служил в Конторе. Хорошо?

Девушка посмотрела на него грустными понимающими глазами.

– Я постараюсь.

– Вот и чудно. Если что – я у себя. Надеюсь, за шесть суток мы не сожрем друг друга.

Мягко пожав ей локоть, он развернулся и зашагал назад, к своей двери, не видя и не чувствуя тех глаз, что неотрывно смотрели ему в спину.

День первый, продолжение: ночь.

Собираясь, он размышлял: стоит ли брать с собой фонарь? Потом все-таки решил, что стоит, и оказался прав – плафоны в трюмах горели через пятого на десятый. Спустившись в толстое брюхо корабля, Хикки сперва несколько обалдел, представив, какой объем работы ему предстоит проделать. «Олдридж» был забит с явной перегрузкой, но в коммерческом флоте это считалось совершенно обычным делом. В конце концов, перегрузка пугала лишь страховые компании, да и то не всегда – если следователям удавалось доказать, что гробанувшийся корабль эксплуатировался вне всяких норм, то вопрос о страховках снимался сам собой.

Первые два трюма были завалены колбами с какими-то удобрениями, причем некоторые, видимо, не страдали излишней герметичностью, и распространяли вокруг себя чудные ароматы. Четвертый и пятый тоже не вызвали у Хикки особого интереса – в них находились металлические джунгли странных решетчатых конструкций, тоже, наверное, имевших отношение

к сельскому хозяйству. Оставался третий – центральный, превосходивший по размерам все остальные. Конструкционно он предназначался для размещения тяжелой десантной техники.

Хикки отомкнул здоровенную металлопластиковую дверь и вошел в громадное, еле освещенное помещение. Плафоны, автоматически включившиеся при его появлении, лили свой неживой белесый свет на тесные ряды каких-то мощных контейнеров. Хикки влез между рядами и достал фонарь.

– А, черт! – прошипел он.

Контейнеры были опломбированы – все, как один. Присвечивая себе фонарем, Хикки боком пошел вдоль ряда темных пластиковых стен. Контейнеры были совершенно однородны и напроць лишены каких-либо надписей. Попытка разглядеть печать одарила Хикки счастьем познакомиться с логотипом неведомой ему аврорской корпорации, связанной с экспортом сельскохозяйственного оборудования и полуфабрикатов для перерабатывающей промышленности.

– Да нет, – буркнул Хикки, устало садясь прямо на грязный пол, – ну такого же не может быть!

Не снимая перчаток, он вытянул из кармана сигарету, уныло раскурил ее и поднял голову.

– А!..

Хикки стиснул сигарету зубами, вскочил на ноги и резво подбежал ко второму слева контейнеру. Так и есть – но заметить это можно было только снизу – нерадивый пломбирщик недожал свои «клещи», и уходящий в глубь контейнера тросик свободно болтался в зеленой, полупрозрачной пластиковой пломбе. Хищно ощерившись, Махтхольф потянул за него, и тросик без натуги вышел из пломбы. Второй конец был дожат на совесть, но теперь это не имело никакого значения...

Хикки встал на цыпочки, уперся плечом и приподнял крышку контейнера – ровно настолько, чтобы заглянуть вовнутрь.

– О, Мейн Готт, – прошептал он, вдруг вспомнив язык предков.

Поспешно вернув тросик на его законное место, Хикки бесшумно выскользнул из трюма и поспешил в свою каюту.

Глава 2.

День второй, утро.

В коммерческом флоте существовало, конечно, некое подобие устава, но в нем никак не оговаривался бортовой распорядок для свободных от несения вахты – считалось, что они находятся вроде как вне службы. Поэтому завтрак происходил хаотически. Хикки прибыл в кают-компанию ровно в восемь утра по бортовому и с некоторым удивлением обнаружил, что там уже сидят. Сидят, жуют... и приветствуют его вялыми взмахами вилок. Он не придумал ничего умнее, как пробурчать пару слов и отправиться к автомату раздачи.

Взяв свой поднос, Хикки забился в угол и наострил уши. Ему было интересно, о чем болтают по-утреннему снулые члены его экипажа.

Болтали в основном ни о чем. О бабах, о том, кто сколько оторвал в последней ходке, о каких-то неведомых ему героях-контрабандистах и прочей чепухе. К тому моменту, когда Хикки добрался до кофе, в кают-компанию вошел позевывающий крепыш в кожаной жилетке.

Публика за двумя сдвинутыми столиками приветствовала его сдержанным гудением. Крепыш обвел зальчик скучающим взглядом, корректно кивнул Хикки и, выдернув поднос из пасти автомата, сел на заранее подставленный стул.

Хикки допил кофе и поднялся.

– Приятного аппетита, господа, – сказал он, выходя.

«Будь я проклят, – мысленно застонал он, двигаясь по коридору. – Что же случилось с моей памятью, а?»

Практически весь его архив остался на Авроре и сейчас ничем не мог помочь своему хозяину. Память подводила, да и, в общем-то, не стоило на нее особенно надеяться – Хикки никогда не держал в голове мелочи, кроме, конечно, самых интересных. Сейчас ему остро не хватало именно что мелочи, мелочи, зацепившись за которую, он смог бы прорисовать цепочку наиболее вероятных неприятностей, ожидавших его в ближайшем будущем.

В каюте Хикки раздраженно глотнул виски и плюхнулся в старенькое просиженное кресло. До девяти – времени докладов – оставалось почти полчаса. Он вонзил в приемную щель терминала один из дисков, врученных ему менеджером при вылете, и нетерпеливо заклацал сенсорами, отыскивая нужный том. Через несколько секунд на экране появилось загорелое лицо мужчины средних лет.

– Адриан Бакли, – прочел Хикки. – Ну уж да уж, конечно же. Ты такой же Бакли, как я балетмейстер. Но, черт возьми, кто же ты?

Мастер Бакли занимал в экипаже должность техника-механика двигательных систем. Хикки готов был поклясться, что видел это лицо на экранах – но кому оно принадлежало, вспомнить не мог. Одно он знал совершенно точно: под личиной механика-моториста скрывался тип, не раз проходивший по оперативным сводкам Службы Безопасности. Разумеется, в ориентировках он выглядел не так. Но Хикки еще не забыл то, чему его учили в Академии и хорошо умел смотреть сквозь грим и даже легкую пластику. Глаза, он видел эти внимательные черные глаза!

Хикки раздраженно хрюкнул и отключил терминал.

Выслушав доклады, он разодрал хрусткую упаковку лимонного печенья, задумчиво покрутил в пальцах любимую бутылочку и вдруг, словно решившись, рывком встал и распахнул командирский сейф. Навигационные справочники находились в идеальном порядке, разложенные по секторам и направлениям. Хикки нетерпеливо запустил нужный ему том и заше-

велился в кресле, глядя, как перед его лицом вырастает трехмерная голографическая картинка, сопровождаемая рядами цифр и формул.

– Какой поворот? – спросил он сам себя и привычно поднес к губам горлышко бутылки. – Какой, черт тебя подери?

Хикки отставил виски и медленно крутнул трэкболл, заставляя изображение раздвигаться в глубину. Отвлекая, за его спиной требовательно взвыл сигнал входной двери. Хикки вздернулся, коротким движением проверил, легко ли выходит из кобуры бластер, и выбрался из кресла.

Перед высоким комингсом каюты стояла Ирэн Валери, облаченная в узкие серые брюки и легкую блузку.

– Можно мне войти? – поинтересовалась она, глядя на командира сверху вниз.

Хикки пожевал губами, размышляя.

– А зачем?

– Вы!.. – девушка вспыхнула, и он увидел, как задрожали от обиды ее длинные пушистые ресницы. – Я!..

– Заходите, – перебил ее Хикки. – Простите мою невежливость... я думал о своем, и никак не ожидал вашего визита.

Ему понравилась непосредственность ее реакции.

Ирэн решительно вошла в каюту и с любопытством завертела головой, оглядывая убогое жилище своего командира. Хикки незаметно ухмыльнулся, отметив про себя ту хозяйственность, что скользила во взоре его неожиданной гостьи – скорее всего, хозяйственность подсознательную. Ирэн относилась к породе женщин, с пеленок знавших, что и как брать от этой жизни.

– Виски будете?

– Виски? – девушка несколько опешила. – Да... а ничего другого у вас нет?

– Коньяк я пью только на шариках. На борту я пью виски. Присаживайтесь, я сейчас.

Из рубки Хикки вернулся с парой высоких стаканов, печеньем и любимой соской.

– Льда у меня нет, – объявил он. – Холодильник работает, но знаете... мне почему-то все время холодно. Это все ранения, чтоб их черти взяли. Во мне слишком много всяких дырок, и через них уходит тепло. Я мерзну даже под пуховым одеялом.

Большие глаза Ирэн сочувственно повлажнели.

– Я не знала, – виновата улыбнулась она. – Я пришла просто потому, что мне совершенно нечем заняться. Вот я и решила заскочить к вам поболтать. В конце концов, я ведь не знаю тут никого, кроме вас...

Хикки неожиданно заржал. Мысль о том, что его первый пилот воспринимает его в качестве подружки, рассмешила полковника Махтхольфа настолько, что он не мог унять в течение целой минуты.

– Простите, – извинился Хикки, смахивая слезы. – Простите, ради Бога, это я так, вспомнил кое-что... давайте, за знакомство.

– Мы, кажется, уже знакомы.

– А, какая разница. Кстати, а у кого вы летали раньше? Я имею в виду не Флот, а коммерческую службу.

– Я работала в одной крупной компании на Орегоне. Потом у них начались какие-то непонятные неприятности с прокуратурой, и меня быстренько сократили. Пришлось перебираться на Аврору. На Авроре я мыкалась почти полгода – то там, то сям... вот, попала сюда. А вы что, с Авроры родом?

– Увы, – Хикки поморщился и бросил в рот печенье. – Только давайте не будем говорить о моей семье, хорошо? Мне не очень приятна эта тема. Тем более, что я вернулся домой вовсе не из-за того, что мне некуда было деться.

– У вас была жена? – неожиданно спросила Ирэн.

Хикки дернулся. Несколько секунд он смотрел на ее красиво очерченный рот, выдававший темпераментную натуру хозяйки, и раздумывал, что ей ответить. Она казалась ему неглупой, и – он почему-то ощущал это с особенной остротой – недостойной его лжи.

– Мою мать звали Амалия Вишневецкая, – негромко произнес он. – А жену – Магдаленн Цорн-Шварценберг оф Кассандана.

Ирэн со стуком опустила свой стакан на стол. Она хорошо знала, о чем идет речь. В тот день, когда ударно-штурмовой легион «Валгалла» принял на себя страшный удар атакующих клиньев леггах в зоне Восточной Петли, флагман нес штандарт Имперского Инспектора ВКС Амалии Вишневецкой. А командовала легионом полковник Цорн-Шварценберг. Флагманский линкор «Крусейдер» вел огонь до тех пор, пока не опустели его пеналы и погреба, пока были живы в башнях его комендоры. Потом он пошел на таран... во флотских штабах любили говорить, что стальное чудовище, врубившееся своей многокилометровой тушей в центр атакующей колонны, потрясло этих жаб настолько, что неизбежная война сразу отодвинулась далеко в будущее. Трехсотлетняя история имперского Флота, полная крови, слез, смертей, полная безумной ярости, надсадного рева моторов и грохота орудий, знала тараны обреченных кораблей – когда командир, понимая, что живыми уже не вернуться, направлял свой пылающий меч на противника – но она не знала случаев тарана линкором, и тем более – приказа на таран, отданного женщиной-командиром. Женщиной, которая еще не имела детей... Никто не знал, кто отдал именно этот приказ (считалось все же, что командир), но во Флоте появились два новых легиона, названные именами двух женщин – Амалии Вишневецкой и Магдаленн Цорн-Шварценберг.

Ирэн молчала и глядела на Хикки со смесью ужаса и восторга; он мягко улыбнулся и вновь плеснул виски по стаканам.

– Это было не вчера, девочка... я давно перестал вспоминать. Хотя, конечно, тогда я готов был продать душу дьяволу, лишь бы оказаться рядом с ними.

– И второй раз вы так и не женились...

– Вот уж не потому, что спятил на собственном горе! Нет, тут все было сложнее. Тем более что, если уж честно, гордость была сильнее боли.

– Я не понимаю, – перебила его Ирэн, снова приходя в ужас, – что значит – сильнее боли?

Хикки задумчиво глотнул виски, подергал себя за лежащий на погоне локон и ответил, глядя в сторону:

– Потому что наш род давно вошел в историю, и лучшей смерти для его воинов и пожелать было нельзя. Точно так же считали и мой отец, и мои братья. А Цорны? Ты думаешь, они рассуждали иначе? Знаешь, что у Цорнов чисто символическое семейное кладбище? За двести пятьдесят лет – два десятка могил! Они погибают в космосе, все – и мужчины, и женщины, и редко кто из них уходит в отставку... А я... я не женился потому, что служил в Конторе. У нас, «черных», своя жизнь, свои дела и понятия – зачастую ты ведешь такой образ жизни, что о женитьбе не стоит и думать.

Он умолк, поняв, что сказал и так слишком много. Рассказывать молодой девушке о тонкостях службы в Конторе было сущим идиотизмом – во-первых, не поймет и половины, а во-вторых – зачем делать ее несчастной? Нет уж, пускай она свято верит, что «под сукном черных мундиров бьются добрые и благородные сердца», как ей вливали в уши отделы пропаганды Флота. Если б все было так просто! Там, на первой линии, которая куда как первее, чем все остальные линии обороны, там вдруг начинаешь понимать истинную иллюзорность философских тез о добре и зле. Хикки вздохнул и поднял стакан.

– Лучше давай выпьем за то, чтобы мы благополучно дошли до финиша, разгрузились и вернулись домой.

– А вы бывали на Мармоне? – спросила его Ирэн.

– За каким чертом? Там же нет баз, что б я там делал?

– А я была. Тишайшая планета, вот только привода у них там такие, что садиться лучше полностью «на руках», в боевом режиме. Угробиться можно запросто, вот увидите.

Хикки заглотил содержимое своего стакана и откинулся на спинку кресла, задумчиво теребя пальцами темный локон у подбородка. Ирэн окинула его внимательным взглядом и поднялась.

– Я пойду, – сказала она с мягкой улыбкой.

– Да, – Хикки поднялся. – Заходи когда хочешь, и не стесняйся, идет?

– Идет, – легко отозвалась девушка и, игриво подмигнув, переступила через комингс.

– Какой же поворот? – тихо проскрипел Хикки, возвращаясь в кресло.

Имперская метрополия, Нейландские горы; тогда же.

Несильный дождик, весь день вкрадчиво шуршавший листвой деревьев, прекратился за час до заката. Легион-генерал Пол Этерлен оторвал взгляд от висевшего перед ним голографического дисплея, с хрустом размял свои длинные пальцы с холеными ногтями и выбрался из-за письменного стола, чтобы подойти к огромному, в пол-стены окну. Из-под приподнятой рамы веяло свежестью и озоном. Генерал чуть пригнулся, легко поднял раму до упора вверх, и с наслаждением вдохнул прохладный горный воздух. Окно было обращено на запад. Из-за далеких туч неожиданно выглянуло солнце, рассеяв свои лучи среди омытых дождем деревьев; Этерлен мечтательно вздохнул и боднул головой, отчего мягкие локоны его шикарной светлой гривы взметнулись над бордовыми плечами легкого домашнего сюртука.

За его спиной клацнула дверь, и по толстому ковру кабинета неслышно заскользили легкие шаги.

– Что, Хелен? – спросил генерал, не оборачиваясь.

Высокая женщина лет тридцати, облаченная в щегольской черный мундир с погонами полковника на вздернутых плечах, остановилась в шаге от него. Короткая форменная юбка подчеркивала красоту ее мускулистых стройных ног. На привлекательном высокоскулом лице с несколько крупноватыми чертами влажно светились огромные глаза умной распутницы. Генерал умел подбирать себе адъютантов.

– Новости с Авроры, – ее низкий, приятно хрипловатый голос отразился от стен, и генерал счел нужным повернуться.

– Какие же?..

– Наши потроха вылетели на Мармон.

Этерлен вновь дернул шеей, на сей раз – недоуменно:

– Мармон? Но помилуй, что же они будут делать на Мармоне? Глупость какая-то... ты уверена? Впрочем, что это я несу?.. Но все-таки, почему Мармон?

– Это еще не все. Командира транспорта заменили в последний момент, и новым оказался полковник Махтхольф.

– Младший?! Тот самый, Хикки-Непутевый? Господи, как он там оказался? Ему что, не сиделось на пенсии?

– Сто против одного, что случайно. Первому командиру проломили свод черепа в кабацкой драке за пару дней до старта. Махтхольф никак не мог найти себе нормальную работу и, наверное, согласился на первое же предложение.

– Состав экипажа есть?

– Вот тут и начинается самое интересное. Похоже на то, что на горизонте снова объявился Чич Фернандес. При этом половина экипажа – совершенно случайные люди. Остальные... я не могу говорить с уверенностью, но там есть интересные экземпляры. Кажется, на этой лохани заваривается какая-то странная каша.

Генерал подошел к столу, раздраженным рывком схватил пачку сигарет, прикурил, и снова вернулся к окну. В его голове змеились десятки догадок, но он знал, что все они – не более чем привычные игры тренированного ума. Строить версии было рано.

– Что значит «интересные экземпляры»?

– Классные специалисты, слишком классные для такой ерундовой миссии. Я оставлю вам документы и досье.

– Если этот раздолбай Хикки оказался на борту случайно, то он сможет разобраться в ситуации... но чем мы можем ему помочь? Связаться с ним нельзя, приближение патруля вызовет, чего доброго, подозрения... может быть, он додумается спровоцировать аварию? Какие специалисты по этому вопросу находятся в пределах нашей досягаемости?

– Лучшим был он сам, генерал. Вы знаете. Остальные... остальные мало чего стоят. Доктор Гудвин нас переиграл. Его товар уходит, и теперь мы вряд ли сможем проследить всю цепочку.

– Я знаю, я знаю!.. – отмахнулся Этерлен. На ковер упала серая кучка пепла. – Братъ Гудвина тоже нельзя... ах, что за поганое время!

Хелен терпеливо ждала, пока генерал поборет раздражение.

– Сделай мне вот что, – решился он наконец, – найди кого-нибудь из людей Королева и доложи, что я очень нуждаюсь в беседе с его милостью. Когда угодно!.. но чем скорее, тем лучше.

– Через полчаса приземлится яхта вашей супруги, – негромко напомнила ему женщина. Этерлен снова взмахнул рукой с зажатой меж пальцев сигаретой:

– Да какая, Господи, разница!

Она как в воду глядела: личный фон генерала призывно завыл дальним вызовом в половине третьего утра, когда он, обхватив ногой тонкое тело своей юной жены, тихо посапывал ей в плечо.

– Этерлен, – простонал он, все еще находясь в сладком полусне.

Двойной писк, свидетельствовавший о том, что вызов идет через два ретранслятора, подсказал ему, что звонят с Кассанданы. Генерал понял, кто это.

– Спишь? – вкрадчиво спросили его из бездны в полтора парсека.

– Увы, – вздохнул Этерлен. – У нас, кажется, проблемы...

Собеседник слушал его, не перебивая.

– Ну, я так и знал, – задумчиво констатировал он, когда генерал выговорился. – Мы ж иначе не умеем... паскудный докторишка обыграл целое Управление. Красотища, а? Что ты молчишь, старина?

Этерлен засопел в трубку.

– Ну, ладно, – буркнул человек с Кассанданы, – я подумаю. Мои подозрения стали еще сильнее, и хватать, конечно, мы его не можем. Но как только Хикки доберется до Мармона, я найду способ с ним связаться. Мне, понятное дело, интересны не столько покупатели, сколько продавцы, но без покупателей мы с места не сдвинемся.

– А где у нас уверенность, что груз дойдет до чертова Мармона? – спросил Этерлен.

– В п... zde, – равнодушно ответили ему. – Но ведь куда-то же он придет, как ты считаешь?

Кассандана отключилась. Этерлен посмотрел в тревожные глаза проснувшейся жены, ласково погладил ее по пушистой голове:

– Спи, малыш.

Повернувшись, она раздвинула ноги и прижалась лобком к его бедру. Генерал ощутил горячую влагу на ее вдруг ожившем лоне, и горько выматерился про себя, проклиная свою судьбу. Он положил телефон на ночной столик, привлек жену к себе и постарался забыть о том, что утро все равно наступит помимо его желания или нежелания.

За окном снова зашуршал дождь.

Глава 3.

Имперский линейный корабль «Оффенрор-44»; день третий, утро.

Двадцать три тысячи метров металла и пластика.

Экипаж – триста шестьдесят человек.

Матово-черная, пошарпанная – он покинул стапели тридцать лет назад и успел избороздить пол-галактики – хищная машина неподвижно висела в пустоте. Пустота была желтоватой: рядом слабо светилась молодая звездочка, лишенная планет, и ее лучи высвечивали изображение мастурбирующей рыжеволосой девы, привольно раскинувшееся на спине корабля, неподалеку от широко разнесенных в стороны пилонов кормовых эволюционных двигателей.

Где-то под ее сладострастно выгнутым подбородком, на глубине в несколько километров, шла ожесточенная битва. Здесь царили полированное дерево, мягчайшие ковры и золотистый хрусталь плафонов; салон командира представлял собой квинтэссенцию флотской роскоши конца ушедшего столетия. Сражались трое – полковник Райнер Лоссберг, тридцатилетний блондин, выглядевший лет на десять моложе, чем следовало бы, его первый штурман, неряшливого вида долговязый юноша с рыжими бакенбардами, и ужасно спортивная девушка, украшенная петлицами главного энергетика.

Флаг-майор Симеон Криштал задрал штанину форменных брюк, задумчиво почесал тощую волосатую ногу и уснастил командирского короля парой шестерок.

– На тебе, – сказал он.

Лоссберг чихнул и поглядел на девушку. Та меланхолично провела ладонью по коротко стриженным волосам, дернула плечом:

– Пас.

Командир посмотрел в свои карты. В этот момент под потолком фыркнуло, и упрятанная в перекрытии «таблетка» интеркома прокашлялась густым женским басом:

– Начальник связи – командиру.

Лоссберг швырнул свои карты рубашками вверх, выбрался из вращающегося кожаного кресла и, – все так же бесстрастно – втопил палец в нужный сенсор на панели.

– Командир.

– Вас требует дальний абонент... он не называет себя, но зато он знает наш боевой код по верхнему доступу. Приказания?..

– Да.

Лоссберг отбросил за плечо мешающие ему платиновые локоны и с некоторым раздражением переключил интерком на аудиополе. Вокруг его головы вспыхнула и погасла сфера из фиолетовых звездочек. Он уже знал, с кем будет говорить. Контора завербовала его еще на последнем курсе Академии: тогда без пяти минут лейтенанту показалось, что всесильные дяди в черных одеждах помогут ему в поисках приключений. Так оно и оказалось; правда, к тридцати годам от приключений его стало тошнить.

– Ты на охоте? – спросили его без лишних предисловий.

– Вашими молитвами, – отозвался Лоссберг. Он знал, что с этим человеком можно позволить себе некоторую развязность – тот любил юмор самоуверенных людей.

– Ну и хорошо. – Абонент помедлил, и Лоссберг услышал его дыхание. – У нас случилась кака, – сказал человек издалека. – Тебе нужно выдвинуться к Мармону и ждать.

– Я понял, – он хотел сказать «я понял, вице-маршал», но потом отчего-то передумал.

– Часиков через тридцать, да?

– Без проблем.

– Тогда все... и не проигрывай сегодня слишком много.

Лоссберг дернулся, как от удара. За те четырнадцать лет, что он работал с этим человеком, можно было научиться не удивляться ничему. Вообще ничему – но ему это не удавалось.

Вернувшись за стол, полковник смахнул на пол карты и налил себе полный стакан коньяку. Его рука двигалась неестественно резко, будто плохо смазанный манипулятор.

– Сэмми, – сказал он штурману, – иди, считай мне дорогу на Мармон. Помнишь, там должно быть облачко?

– На окраине системы? – уточнил Кришталь, уже понявший, что начались неприятности.

– Да, прямо туда.

День третий, вечер.

– Мне снились жабы, – пожаловался Хикки.

Джерри Ругач недоуменно дернулся и поднял свои глаза от тарелки. Хикки успел подумать о том, что он, возможно, даже и не знает, о чем идет речь, ибо жабы водились лишь на столичной планете, куда их в незапамятные времена натащили первопоселенцы – но по реакции штурмана понял, что тому случалось иметь с ними дело.

– Это плохо, – горько сказал Ругач. – Это очень плохо, это – не к добру.

На самом деле Хикки снились не одни только жабы. Помимо жаб ему привиделась отцовская загородная усадьба в приэкваториальных джунглях Авроры. Там не было жарко: чудовищно гигантские папоротники укрывали просторный старинный дом своей тенью, к тому же с недалеких гор всегда дул прохладный западный ветер. Ранчо, выстроенное еще в годы освоения планеты, было набито старинными книгами, фильмами и шифродисками. Приезжая на каникулы, юный кадет Риччи любил уединяться в огромной библиотеке или же, прихватив с собой древнюю книгу, скрыться в сырой чащобе леса. Отец не боялся – с оружием в Академии СБ знакомили еще на первом курсе, и даже пацан, носивший черную кадетскую курточку, легко мог отбиться от любого хищника. Тяжелый старинный бластер всегда висел на его кожаном поясе...

Хикки проснулся, поворочался, и в который уже раз пожалел о том, что никто не греет его одинокую постель. Эта мысль, давно ставшая его тайным проклятием, заставила его подняться и выпить пол-стакана виски. А вот потом ему приснились жабы.

– Большие были? – спросил Ругач с неподдельной заботой в голосе.

– Угу, – хмыкнул Хикки. – Синие, и с пупырышками.

– О, черт. Хорошо хоть не крысы. Крысы – это точно к аварии. У нас, помню, крысы приснились командиру – что вы думаете, резервный генератор шарахнул в сотне часов от базы. Тридцать человек погибли. Потом была комиссия, и что же? Так и не поняли, с чего ему вздувалось взорваться...

– Это был «Лондон-140»? – спросил Хикки.

– Да... а откуда вы знаете?

– Так, помню. Скандал был хороший, а обвинить так никого и не обвинили. То ли заводской дефект, то ли просто непонятный сбой... рвануло-то хорошо. Инспектора, помнится, удивлялись, как вы вообще дошли-то до дому своим ходом.

Ругач согласно покачал головой. Отставив в сторону тарелку с почти нетронутыми овощами, он глотнул сока и посмотрел на свои часы.

– Поворот в десять десять, – сказал Хикки, – ты почему не ешь? Я не люблю тощих штурманов. Штурманам положено быть жирными. Худой штурман свидетельствует о неблагоприятной обстановке в экипаже.

– А, шутите, – понял Ругач.

– Нервничаешь?

– Хрен меня знает. Пойду я, командир.

Джерри вяло ухмыльнулся и выбрался из-за стола. На пороге столовой он едва не налетел на Ирэн Валери – та посторонилась, вежливо улыбнулась и направилась напрямик в командирский угол. На секунду Хикки оторопел – он все время забывал, где находится. На флоте было трудно представить старшего офицера, который бесцеремонно подсаживается к своему командиру.

– К вам можно? – спросила Ирэн.

– Приятного аппетита, – ответил Хикки с утонченным сарказмом. – Нужно. Нынче у нас поворот, а я отчего-то не слышал доклада вашей милости в шесть часов по бортовому времени.

– Ой, а я чуть не уснула в душе, – непритворно надула губки девушка, – я сейчас.

Глядя на ее аккуратно вращающийся зад, Хикки ухмыльнулся и не удержался от того, чтобы крикнуть ей в спину:

– Раз так, возьмите мне пива!

Интересно, подумал он, почему ее выкинули с Флота? За раздолбайство? Маловероятно. Раз девочка в такие годы заработала капитана, значит, чего-то она стоит – а там таких ценят и многое прощают. Гм... но все же?

Минутой позже она вернулась к столу с подносом, на котором красовалась и вожделенная баночка пенистого напитка. Хикки молча протянул руку, быстро разодрал тонкий пластик крышечки и опрокинул банку в плотку.

– А чем вы, собственно, занимаетесь? – вдруг поинтересовался он. – Читаете, вяжете, или?..

– Во всяком случае, не тем, о чем вы подумали, – лукаво скривилась Ирэн. – Одной мне всегда... скучно. А так здесь, – она пожала плечами, – вроде и не с кем.

– Замечательно, – порадовался Хикки, – весьма, я бы сказал, похвально. Летающий филиал монастыря Святой Девы.

Ирэн положила локти на стол.

– Послушайте, – твердо произнесла она, – мастер Хикки, вы всегда такой? Я хочу спросить, вы такой – на самом деле?

– Вовсе нет, – оскорбился Махтхольф. – Это иллюзия, что вы! На самом-то деле я ведь какой: рога, копыта, перепонки там всякие... кислота из глотки так и хлещет. Это, – он похлопал себя по груди, – это астральное, так сказать тело. Или какое? Ах, я и сам не знаю. Но стоит мне, мне самому посмотреть на себя в зеркало – у-уу!

Он рывком встал и одернул комбинезон.

– Поворот в десять десять. И учтите – я не привык повторять дважды. Приятного аппетита, капитан.

Это «капитан» прозвучало с неприкрытой издевкой, и Хикки мысленно обругал себя. Если бы он дал себе труд оглянуться и посмотреть на оставленную девушку, то, наверное, выругался бы вслух, помянув самого себя по маме.

Вернувшись в каюту, Хикки вытащил из шкафа свой вместительный серебристый кофр и принялся сдирать с себя синий флотский комбинезон.

... В половине десятого он уже сидел в боевом кресле командира с бутылкой в руках. У его ног стоял, прислоненный к переборке, могучий четырехствольный излучатель. В кобуре покоился не привычный команде «Тайлер», а новейший, лишь недавно принятый на вооружение СБ «Моргенштерн-90», который вполне мог испепелить слона. Хикки разминал пальцы, прислушиваясь, не раздадутся ли из холла стоны взламываемой двери.

Наличный боезапас позволял ему отправить к предкам три таких экипажа.

Ровно в девять пятьдесят пять, за четверть часа до маневра, начались доклады с постов. Хикки довольно посмотрел на часы: было похоже, что госпожа старший офицер призвала народ

к порядку. Он слегка расслабился и раскупорил новую бутылочку. Ритмичность такого печеночного массажа позволяла ему забыть о тоске, одиночестве и поломанной карьере.

В десять пятнадцать Хикки выслушал финальные доклады штурмана и первого пилота, сверился со своими, дублирующими рубку, приборами, и счастливо скомкал в ладони упаковку от лимонного печенья.

– Значит, второй, – убежденно сказал он.

Бутылочка была выпита только наполовину.

День четвертый, раннее утро.

Услышав над головой завывание сигнала экстренного вызова, Хикки вылетел из-под одеяла и первые секунды метался по тесной спальне, не в силах вспомнить, где находится панель интеркома. Наконец он нащупал на стене ряд сенсоров и проорал:

– Командир! Да!.. кто это?

– Говорит старший моторист Ли Рейнард, – ответили ему. – Командир, у нас авария – отказ третьего двигателя. Вы можете прибыть в главный машинный зал?

Хикки растерянно выматерился и бросился одеваться. Застегивая на себе комбинезон, он вбежал в свою боевую рубку и поглядел на приборы. Диагностика и в самом деле показывала, что защитные системы почему-то отрубили третий маршевый двигатель. Хикки поспешно опоясался и выбежал в коридор. Часы на его руке показывали 4:35.

Десять минут спустя он вбежал в тесный коридорчик, что вел прямо к двигательному сектору. Едва бронедверь с угрожающей надписью «Лучевая опасность» послушно ушла в сторону, Хикки нетерпеливо перепрыгнул через высокий комингс.

Несколько мгновений он ожидал выстрела или удара по голове. Вместо этого Хикки ощутил легкое прикосновение к плечу, рывком обернулся и увидел рядом с собой высокого тощего парня со шрамом через правую щеку.

– Я Рейнард, – сказал тот. – Пришлось вас потревожить. В принципе, вы нам не нужны, но сами понимаете – порядок... извините.

Хикки молча пожал узкую ладонь инженера и задрал голову вверх, разглядывая хаос трубопроводов, сверкающих зеркальной чешуей волноводов и ржавую галерею, которая шла под самым потолком. Махтхольф находился в огромном, высоком – он был врезан в силовую раму шести из восьми корабельных палуб – зале. Прямо перед ним, вмонтированные в мощнейшие сотовые конструкции, стояли четыре оперативно-эволюционных мотора с фрегата типа «Норд», служившие «Олдриджу» маршевыми. Свет упрятанных в потолке плафонов почти не доставал до пола, и они с инженером стояли в желтоватом полумраке. В воздухе поблескивали встревоженные пылинки.

На галерее кто-то звонко чихнул, выругался, и Хикки увидел, как за третьим мотором заметался яркий луч фонаря.

– Что у нас там, парни? – крикнул он.

– Дерьмо, – ответил ему звонкий женский голос.

Из-за паутины тонких грязных труб высунулось молодое лицо в обрамлении спутанных рыжих волос.

– Это вы, командир? – Девушка несколько смутилась.

– Доложите, наконец, – скривился Хикки. – Что там? Что-то серьезное?

Под свет вылез техник-механик Бакли в своей неизменной кожаной жилетке. Его бронзовая физиономия была измазана чем-то красноватым.

– Пробило отражатель, шкип, – объяснил он, машинально вытирая руки тряпкой. – Это так называемый капитальный ремонт... отремонтировали, сучьи дети. Сраки б они себе так ремонтировали.

Бакли расстроено плюнул вниз и полез в карман штанов за сигаретой. Поглядев на него, Хикки сделал то же самое.

– Ну, это еще ничего, – сказал он, – это вам на пол-дня работы. Запасной у нас есть?

Бакли махнул рукой. Он выглядел ужасно огорченным, и Хикки удивился, что вдруг могло его так расстроить. Ну, пробило, ну поработает он лишнюю пару часов – так на то он и космос, чтобы устраивать неприятности. Тем более, когда речь идет о коммерческом флоте, который использует боевые когда-то корабли, проданные населению после выработки первого доремонтного ресурса. Кораблям этим еще ходить и ходить, но теперь за ними нужен хороший глаз. Все это знают.

– Мы теряем скорость, – объяснил Бакли.

– Ну, я напишу в рапорте, что вы здесь ни при чем, – примиряюще сказал Хикки, – подумаешь, опоздаем... вы-то чем виноваты? Не вы ж его перебирали, правильно? Значит, не вам и отвечать. Да и груз у нас, кажется, не такой уж и срочный.

– А-аа, – Бакли снова махнул рукой и исчез за двигателем.

Хикки повернулся к молчаливому Рейнарду.

– До полудня справитесь? – поинтересовался он.

– А черт его знает, – инженер пожал плечами. – Я не знаю этих людей.

– Вот как? Вы тоже наняты на один рейс?

– А вы? – прищурился в ответ Рейнард.

– Да, у меня разовый контракт. Как я понял, наши работодатели уже имели командира, но в последний день с ним что-то случилось, и пришлось нанимать первого попавшегося. В данном случае – меня.

Рейнард молча покачал головой.

– Извините, что я вас побеспокоил. Наверное, вам стоило бы вернуться к себе. У вас заспанный вид.

– Да, пожалуй. Спасибо, что доложили.

Хикки кивнул на прощанье и повернулся к выходу. Его остановил странно напряженный голос инженера, раздавшийся ему в спину:

– Командир, на камионах не принято таскать с собой пушку...

Махтхольф машинально опустил глаза и едва не выматерился вслух: в его открытой кабуре торчал не «Тайлер», а «Моргенштерн»...

Возвращаясь к себе в каюту, Хикки клял свою забывчивость на все известные ему корки. «Тайлер», старый и простой, как заклепка, имеет любой флотский офицер, более того – при желании его можно купить за деньги. В каждом порту найдется пара-другая притонов, а в притонах – пара-другая жуков, готовых сосватать вам запретный товарец. Но где, в каком притоне можно купить «Морг», который всего год назад появился на свет, и имеют его только люди из Конторы: он, собственно, для них и создавался.

Хикки прекрасно понимал, что доверять он не может никому. Возможно – даже вероятно – то, что в экипаже есть немало людей, не имеющих понятия об истинном характере перевозимого груза. Их наняли для того, чтобы забить дыры в штатном расписании. Но кто есть кто?

Времени на расследования у него не было. За шестисуточный переход познакомиться с экипажем невозможно. Да и толку-то от этих знакомств?... Прямо так ему и скажут: «Давай-ка, брат шкипер, присоединяйся к нашей банде, а то без тебя мы слезами изойдем, да руки на себя наложим: тоска, понимаешь!» Что с ним будет, Хикки тоже знал. Товар, лежавший в брюхе старой черепахи, тянул на такие деньги, что с каким-то там шкипом церемониться никто не станет, глупо.

И «Олдридж», безусловно, вряд ли вернется на родную Аврору.

Сперва – после того, как Хикки ознакомился с содержимым его трюмов – он долго ломал себе голову, кому же мог предназначаться столь специфический товар. Пиратам? Да нет, какая

чушь... многочасовые размышления едва не поставили экс-полковника на грань паранойи, после чего он решил не морочить себе мозги и действовать по обстоятельствам. В том, что эти обстоятельства сложатся отнюдь не в его пользу, он не сомневался. Командир был нанят исключительно для того, чтобы прикрыть строку в корабельных документах. Для работодателя из грязного офиса не имела никакого значения ни квалификация, ни боевой опыт – к тому же он спешил, фатально спешил, и это обстоятельство сыграло с ним недобрую шутку. Спешка плюс изрядный дилетантизм – и на борту старенького камиона оказался человек, десять лет жизни отдавший возне с самыми грязными махинациями, совершавшимися вокруг всего того, «что летает», как принято было говорить в Конторе.

Ибо неугомонный Хикки имел дурную привычку совать свой нос в каждую дырку: он был в курсе почти всех оперативных разработок, так или иначе связанных с преступлениями, совершавшимися на коммерческих флотах. В качестве начальника оперативного отдела Транспортной системы он лично планировал операции, проводимые силами СБ против пиратов и особо зарвавшихся контрабандистов. Он в лицо знал многих людей, хорошо известных на грузовых трассах, ему случалось попить виски в компании тех пиратских «баронов», которых СБ терпела благодаря некоторым тайным услугам – однако же, даже Хикки не мог понять, кто, какая сила могла повернуть дело с тем грузом, что покрывался сейчас пылью в трюмах его грузовика.

Вернувшись в свою каюту, он не стал раздеваться – плюхнулся на диван в холле, лишь только снял с себя пояс с оружием. Уснул он почти мгновенно, но спал плохо.

Его снова мучили кошмары, только теперь это были не жабы. Полковнику Махтхольфу снилось, что он обвинен в государственной измене первой степени и приговорен к казни через повешение. При чем тут было повешение, сказать он не мог – в Империи казнили совсем иначе – но, тем не менее, проснувшись, Хикки несколько секунд судорожно глотал ртом воздух и бешено вращал глазами.

– Виселица! – сказал он, спуская на пол ноги. – Виселица! Дьявольщина!

Потирая шею, Хикки добрался до боевой рубки и схватил в руки свою любимую бутылочку. Ее содержимого хватило лишь на один глоток. Хикки выругался и заковылял к шкафу, где хранился его запас алкоголя и коробки с лимонным печеньем.

В этот момент в рубке ожил интерком. Махтхольф поспешно схватил непечатую бутылочку виски, пачку печенья, и бросился к пульту.

– Командир, примите доклады ходовых постов, – произнес служебно-ровный голос Ирэн.

– Слушаю командир...

Только сейчас, хотя в этом уже не было никакого смысла, он поглядел на хронометр. Табло показывало ровно девять.

«Интересно, – все еще сонно подумал Хикки, – что они решат, когда я пойду жрать на час позже экипажа?»

Проклятые виселицы сыграли с ним в кегли: он проспал и подъем, и завтрак и утренние тесты. Так можно было проспать вообще все на свете, включая собственную задницу. Хикки раздраженно скрутил пробку, глотнул и полез в карман за складной расческой.

Когда доклады закончились, он объявил вахтам дежурную благодарность и спрятался под душем, стремясь выветрить из головы кошмар веревки, которая едва не захлестнулась вокруг его тощей шеи.

После завтрака, который, как он и думал, прошел в полном одиночестве, Хикки отправился не к себе, а в нос корабля, туда, где находилась штурманская рубка. Джерри Ругач был на месте – Хикки уже успел узнать, что почти все свое время юноша проводит на посту, коротая время за «беседами» с бортовым «мозгом».

– Я думал, что вы придете на завтрак, – простодушно заявил штурман, когда узкая фигура командира просунулась в зеленую полутьму.

Хикки уселся в свободное кресло и достал из кармана бутылку. Из другого появилось неизменное печенье.

– Мне что-то нездоровится, – объяснил он. – Ночью у нас были неприятности с двигателями – наверное, Бакли до сих пор возится в мотоотсеке. Говорит, прогорел отражатель третьего маршевого.

– Бакли? – удивился Ругач. – Это тот, который все время лазит в кожанке на голое тело? Странно, он приходил ко мне перед докладами, интересовался, все ли в порядке. Плел мне что-то насчет исполнительных звеньев в системе управления... я так и не понял, что ему тут было надо.

– Да-а? – Хикки приложился к соске и довольно зашевелил носом.

По рубке поплыл густой аромат алкоголя.

– Скажи-ка, какой у нас поворот завтра утром? Ты посчитал?

– Ну конечно, – Ругач даже обиделся. – У нас 10-10-117, время – шесть сорок две, скорость – 0,785 L. Курсовой разгон...

– Не важно, – остановил его Хикки. – Все в порядке, молодчина. Аппаратура в норме?

– Разумеется, я ведь только что все проверил.

– Вечером проверишь еще раз. Случись что – немедленно докладывай мне по боевому каналу. Слышишь: по боевому. Не вздумай устроить вой по общему интеркому.

Ругач недоуменно поднял брови.

– А... что? Что-то случилось?

– Да ничего, – отмахнулся Хикки. – Просто хватит с нас неприятностей. Знаешь, как бывает: экипаж не слетанный, люди косятся друг на друга... при любых авариях начинается всякая возня, тут не долго и до взаимных обвинений. Наша калоша ломалась, ломается и будет ломаться дальше – но зачем устраивать из этого шоу?

– Я вас не совсем понимаю, командир.

Простодушный сопляк, подумал Хикки. Не понимает он меня, ха! Ничего, поймешь – если жив останешься...

Он поднялся и засунул печенье обратно в карман.

– Не бери дурного в голову, парень. Я просто хочу сказать, что служба на камионах здорово отличается от флотской. Тут свои глупости, свои идиотские традиции. Научись, не переживай. Только не забывай, что за отсутствие паники перед хозяевами отвечаю я. А твое дело – слушать, что я тебе говорю, и не заниматься самостоятельностью.

Задумчиво насвистывая, Хикки отправился через весь корабль в моторный сектор. Дорога в триста с лишним метров заняла у него почти двадцать минут. На четвертой палубе «завис» один из лифтов, и Махтхольф, не тратя время на ожидание, спустился по узкой норе аварийной лестницы.

В моторном зале кипела работа. Несколько человек, энергично переругиваясь между собой, что-то крутили под самым потолком – задрав голову, Хикки попытался понять, что они там делают, но так ничего и не разобрал. Еще несколько голосов раздавались с ржавой металлической галереи, которая огибала все четыре мотора.

– Эй! – гаркнул Хикки. – Кто-нибудь!

На его вопль из-за двигателя высунулась давешняя писклявая девчонка с перемазанным лицом.

– Как у нас дела? – поинтересовался Хикки, прихлебывая из бутылочки.

– Дела почти в порядке, – ответила девушка. – Еще пару часов, и можно будет восстанавливать нагрузку. Остальные три пришлось перегрузить, а им это вредно.

– Кто распорядился о перегрузке двигателей?

Девушка замялась.

– Ну... в шесть утра Рейнольдс доложил старшему офицеру, а она приказала провести эспресс-тест, и потом сама вывела моторы в новый режим. Иначе мы бы выпали из графика.

– Где Рейнольдс?

– Рейнольдс? А его здесь нет? Наверное, у себя.

Хикки смачно выругался и вышел из зала.

«Милая Ирэн слишком буквально восприняла мои замечания, – подумал он. – Настолько буквально, что стала отдавать приказания, не советуясь со спящим командиром. Конечно, сейчас она скажет, что не хотела меня будить и все такое прочее... а этот сучий инженер наверняка напомнит мне, что ночью я имел утомленный вид, и они не решились меня беспокоить.»

К тому моменту, когда ноги принесли Махтхольфа в каюту, он уже остыл и, пораскинув мозгами, решил сделать вид, что его ничто не касается. Ну, приказала мэм старший офицер добавить нагрузки на три исправных мотора – так честь ей и хвала. Ругать ее не за что. Что же до похвал, то уж больно скользкая получается коллизия. Лучше промолчать.

Глава 4.

Аврора, территория Портленд; тогда же.

- Подождете меня здесь.
- Как вам будет угодно, мэ....

Ослепительно черноволосая, ухоженная женщина средних лет выпорхнула из дорогого лимузина, что остановился на одной из боковых аллей полузаброшенного старинного парка на окраине городка. В этот час здесь не было никого, лишь длиннохвостая серая птица, расхаживавшая по осыпавшемуся каменному ограждению в метр высотой, рвала прохладный воздух своими хрипыми воплями. Глянув на нее, женщина поморщилась, поправила свою короткую темную юбку, и решительно двинулась вглубь парка.

Ее высокие посеребренные каблуки простучали по растрескавшимся плитам дорожки и свернули вбок, туда, где среди желтеющей травы вилась едва заметная тропа. Через несколько минут женщина вышла на небольшую поляну, украшенную серой от времени деревянной беседкой.

Из-под дырявой пластиковой крыши неторопливо выбрался высокий молодой мужчина в длинном бордовом плаще с капюшоном. Женщина порывисто обняла его, зарывшись лицом в белой пене его кружевной манишки, потом подняла горящие зеленые глаза:

- Боже, как мне надоело прятаться... почему я должна прятать тебя от чужих глаз?

Мужчина ответил ей коротким поцелуем.

- Нам осталось совсем немного, мэ сенатор.
- Да... я надеюсь.

Они скрылись под кровлей беседки. Усевшись на скамью, мужчина засунул руку под плащ, и вытащил длинный серый конверт.

- Здесь все, – сказал он, протягивая его женщине.

Она не глядя запихнула конверт в сумочку и прижалась щекой к бордовому плечу возлюбленного.

- Все прошло как надо?

– Да, – мужчина извлек сигару, покрутил ее в пальцах и чуть отстранился, прикуривая. – Благодаря тебе. Скоро наши мучения закончатся. Когда я проверну деньги, мы бросим все к черту и улетим наконец на Сент-Илер.

- Кохан поможет нам с документами?

– Для Кохана это проще простого. Он сдержал свое слово: Гудвин уже вне опасности. Теперь он может улететь в любой день. Он только ждет конца нашей операции. Не переживай, мы начнем новую жизнь, в которой не будет никаких неприятностей.

– Ах, Алекс... с тех пор, как я развелась с мужем, я никогда не была так счастлива, как сейчас!

Молодой человек едва заметно поморщился. Эта женщина привлекала и одновременно отталкивала его. Он украдкой посмотрел на ее лицо: вокруг глаз бежали мелкие морщинки, но сами глаза казались ему такими молодыми... одуряющий терпкий аромат ее духов сделал свое дело, и его ладонь мягко заскользила вдоль обтянутого чулком бедра. Женщина вздохнула, покорно раздвигая ноги, и откинулась на спинку скамьи. Полуоткрывшийся рот обнажил ровные крупные зубы.

Пальцы мужчины нетерпеливо подняли вверх ее юбку и погрузились в горячее повлажневшее лоно. Женщина стиснула веки и задышала коротко, прерывисто; в эти мгновения про-

житые годы отчетливо проявились на ее красивом лице, но мужчине было уже не этого: он приник к ней всем телом, истошно целуя гладкую загорелую шею.

В деревьях громко щелкнула какая-то ветка, и любовники тотчас отпрянули друг от друга. Испуганные глаза мужчины скользнули по краю лужайки. Несколько секунд он внимательно всматривался в темнеющие заросли кустарника.

– Это какая-то птица, – сказал он успокаивающе.

Женщина только теперь сдвинула свои длинные, чуть полноватые ноги и неторопливо оправила на бедрах юбку.

– Завтра, – произнесла она, вставая. – Как всегда, да?

Мужчина поцеловал ее под ухом.

Он проводил ее задумчивым взглядом, коротко посмотрел на часы, потом устроился на скамье полулежа – так, что с поляны его было почти не видно – и расстегнул на себе брюки.

День четвертый, вечер.

После вечернего доклада Хикки двигался стремительно.

Он вошел в ходовую рубку еще до того, как пилоты принялись отключать протестированную аппаратуру, и застал обоих на рабочем месте.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась Ирэн. В ее голосе сквозила легкая досада.

– Добрый, – кивнул Хикки, разглядывая ее коллегу, второго пилота по имени Терри Юслорф.

Тот был невелик, худощав и белобрыс. Короткая стрижка, масляные глазки и какая-то особенная, не флотская прилизанность вызвали у Хикки приступ легкого раздражения.

Педик, решил он, сто процентов педик.

– Добрый вечер, мастер Юслорф! – громко сказал он.

Пилот щелкнул по клавише вспомогательного вычислителя и неспешно обернулся.

– Привет, – произнес он. – Как успехи?

Хикки несколько опешил.

– Да потихоньку, – ответил он. – А у вас?

Юслорф дернул плечом и вылез из кресла.

– Ах, такая скука, – заметил он, глядя мимо командира. – Ну так что, Ир, как насчет твоих любимых игрушек? Никак не хочется расставаться, а? Ах, эти проклятые мужики, – прогундосил он, подражая женскому голосу, – они все время проходят мимо меня! А каждая новая игрушка так быстро надоедает!

Ирэн беспомощно улыбнулась и спрятала полные отчаяния глаза. Хикки ощутил, как у него чешутся кулаки.

– Вы давно знакомы с мэм Валери, мастер Юслорф?

– А, – пилот махнул рукой, – уж где-то год. У этой дылды вечные проблемы с мужиками, и она пристаёт ко всем подряд. Она еще не пыталась залезть в твою койку, а, шкип? Я уже сто раз говорил ей, что мужики не любят таких шмар, как она.

– А таких, как ты? – поинтересовался Хикки.

– О, – Юслорф сделал значительно лицо, – а разве мы говорим обо мне?

– Пшел вон, – голос Хикки был совершенно бесцветным, но Юслорф отчего-то смахнул с физиономии свою нахальную улыбку и довольно шустро выбрался в коридор.

– Спасибо, – устало произнесла Ирэн, – эта гадина издевается надо мной не первый месяц.

– Ерунда, – перебил ее Хикки. – Собственно, я явился сюда для того, чтобы пригласить вас поужинать у меня в каюте. Честно признаться, я чувствую себя виноватым перед вами.

Вчера вечером я был не совсем э-ээ... не совсем тактичен. Мне показалось, что виски и бисквиты помогут мне загладить этот грех.

Ирэн слегка покраснела. Некоторое время они смотрели друг на друга в упор, потом она разомкнула подсохшие губы и тихо проговорила:

– Кажется, мы были на «ты».

Хикки ответил ей коротким поклоном.

День шестой, раннее утро.

... Он просыпался мучительно долго. В голове стучали сотни крохотных молоточков, он крутился с боку на бок, пытаясь найти позу, в которой проклятый стук спрячется, уйдет куда-нибудь по своим делам и перестанет наконец его мучить. Это ему не удавалось.

Хикки со стоном раскрыл глаза и теперь только ощутил, что лежит – вернее, плавает – в какой-то теплой луже. Он пошарил рукой, нащупал гладкое женское тело рядом с собой, затем поднес пальцы к носу и зачертыхался.

– Дылда! Ну... ну это же надо?! Т-твою же мать! Как можно было напрудить прямо в койке? Вставай, скотина! Вставай!

Схватив Ирэн за плечи, он принялся трясти ее, но та и не думала просыпаться. Ее голова боталась из стороны в сторону, словно тряпичная, из приоткрытого рта стекала тонкая струйка слюны... Хикки остановился, понимая, что с девушкой что-то не в порядке. Приподняв ей веко, он заглянул в ее глаз и с отчаянной руганью отбросил бесчувственное тело.

Его рука схватила лежавшие на ночном столике часы, нервно клацнула кнопкой, потом еще.

– Двадцать шесть часов... – прошептал Хикки.

Пару секунд он сидел на мокрой постели с закушенной губой, затем пружиной взлетел в воздух и бросился прочь из спальни. Первое, что он сделал – это выдернул из кобуры свой «Моргенштерн» и продернул затвор. Затем, не выпуская оружия из рук, распахнул серебристый боевой кофр и достал оттуда небольшой овальный прибор.

На развернувшемся перед ним дисплее забегали ряды крохотных цифр.

– Хитрецы... – зашипел Хикки, возвращая прибор на место. – С-суки!..

Он вытащил плоский блочок «кибердоктора», вернулся с ним в спальню и бережно прилепил его на спину Ирэн чуть повыше поясницы. Вздыхнул.

Три минуты спустя, когда девушка наконец проснулась, Хикки Махтхольф сидел с сигаретой на низком пуфе перед кроватью. На нем был черный мимикрирующий комбинезон, высоченные сапоги и наплечник. Глухой сферический шлем лежал под ногами.

– Беги в душ, – приказал он. – Времени тебе минута. Вперед!

– Что стряслось? – сипло прошептала Ирэн, глядя на него расширенными от ужаса глазами.

– Нам конец, – ответил Хикки, криво улыбаясь. – Нас немножко отравили. Мы еще живы, но это ненадолго.

– Что?.. что ты хочешь этим сказать?

– Пошла в душ! – взревел Хикки, поднимаясь на ноги. – Если ты будешь много болтать, то мы точно сдохнем! Быстро, у нас полно работы!

Он врубил командирский пульт в боевом режиме и, ругаясь сквозь стиснутые зубы, развернул дисплей аварийного сканирования. Перед ним засветился многоцветный разрез корабля по палубам. Первая палуба – никого, вторая – пусто, третья... четвертая... оба эвакобота отсутствовали. Хикки с шумом выдохнул воздух и продолжил поиск.

Единственный живой член экипажа обнаружился в носу, в штурманской рубке. Больше на «Олдридже» не было никого. По крайней мере, никого из живых.

Хикки уже не сомневался, что в отсеках полно трупов.

– Ты можешь все-таки объяснить, что случилось?

Хикки развернулся вместе с креслом. В холле, прыгая на одной ноге, натягивала колготки Ирэн. Девушка не сорвалась в истерику, и это было очень хорошо. Ему понравилось ее самообладание.

– Нас усыпили, – проговорил Хикки, – и усыпили качественно. Мы продрыхли двадцать шесть часов. За это время камион совершил поворот и прибыл... куда он прибыл, я еще не знаю. Зато я уже знаю, что на борту, кроме нас, уцелел только один человек. Остальных они перебили, а сами ушли на эвакуботах.

– Кто – они? – прищурилась Ирэн.

– Хозяева нашего груза.

Она набросила на плечи рубашку и вошла в его рубку. Коротко глянув на развернутый дисплей, девушка поняла, что он искал.

– Кто там, в штурманской? Джерри?

– Я пойду, посмотрю, – отозвался Хикки. – Пока я буду бродить, разберись, куда мы, собственно, залетели. Мы не у Мармона, это дураку понятно... но где? Сдается мне, времени у нас совсем немного. Давай, работай.

Ирэн молча притянула его к себе, зарылась лицом в его мокрых волосах и коротко вздохнула.

– Почему они не убили нас?

– Потому что побоялись. Они знали, что я из Конторы. Не волнуйся, – Хикки высвободился из ее рук и невесело усмехнулся: – У нас еще будет время сдохнуть.

Захлопнув забрало шлема, Хикки вышел в коридор и бросился бежать в нос корабля. В метре от лестницы, что вела на верхние палубы, он наткнулся на изуродованный труп коренного лысого мужчины, валявшийся в луже свежей, не успевшей подсохнуть крови. Хикки наклонился над мертвецом. То был инженер-энергетик, он не помнил его имени. Его убили совсем недавно...

Хикки задумчиво куснул губу.

– Кажется, я очень вовремя проснулся, – буркнул он.

Дверь штурманской рубки была открыта. Сжав в руках свой «Нокк», Хикки скользнул в полутьму дежурного освещения, и сразу же увидел лейтенанта Ругача. Парень сидел на полу, упираясь спиной в боевую стойку управления, и держался обеими руками за голову.

– Джерри! – позвал Хикки. – Джерри, что с тобой? Башка? Тебя треснули по черепу?

Ругач испуганно отшатнулся, открыл глаза и застонал, пытаясь спрятаться под пультом. Рука Хикки безжалостно выволокла его на свет. На затылке штурмана красовалась первосортная шишка, но крови не было.

– Джерри, – мягко проговорил Хикки, – я не с ними... не бойся меня, слышишь? Мы влипли, мы влипли все вместе. Ты можешь говорить?

Лейтенант заскулил, размазывая по лицу слезы. Он смотрел на Хикки уже почти без страха, но в глубине его мокрых глаз плескался такой ужас, что тот понял: здесь толку не будет.

– Пойдем, малый, – Хикки подхватил Джерри под руки и поволок из рубки. – Пойдем, пойдем. Теперь все будет нормально.

Завидев на экипажной палубе труп, Ругач снова принялся скулить.

– Они убивали всех... – простонал он. – И заставляли меня смотреть...

Хикки остановился и привел штурмана в вертикальное положение.

– Когда это началось? – спросил он.

– Они заставили меня изменить цифру в карт-лайне. Не 10-10-117, а 10-10-177!.. Перед самым поворотом ко мне вошли Бакли и этот... как его... второй пилот. Бакли вытащил «Тайлер» и приказал мне раздеваться. Потом он... ну, в общем...

– Ну, в общем, понятно, – перебил его Хикки. – А Юслорф, конечно, стоял и смеялся? И потом ты перекрутил ввод поворота... ясно. Ладно, не горюй. Многие, говорят, получают от этого огромное удовольствие. А когда они шарахнули тебя по башке?

– Я не знаю, я спал в рубке... они мне что-то вкололи. Я проснулся от удара... но я не знаю, сколько прошло времени.

Хикки снова подхватил штурмана и поволок его по коридору.

– 10-10-177... – бормотал он. – Нет, ни черта не понимаю. Где это? Двадцать шесть часов? А скорость? Ведь мы шли на форсаже... всю дорогу на форсаже. На четырех моторах... двадцать шесть часов? Что же это, точка randevu?

Впихнув Ругача в каюту, он снабдил его бутылкой виски и поспешил к Ирэн. Та сидела перед экранами с застывшим лицом.

«Олдридж» находился в планетарной системе небольшой желтой звезды. Почти прямо по правому борту висел голубоватый диск ближайшей к нему планеты, слева виднелись еще две, одна из которых была мутно-коричневым гигантом, окруженным стаей спутников. Хикки поспешно глянул на ряд цифр, обозначающих точные галактические координаты корабля.

Его физиономия вытянулась так, словно он проглотил жабу.

Синюю, с пупырышками.

– Теперь я все понял, – прошипел Хикки. – Дылда, беги к себе в рубку. Начинаем эволюционный разгон, подходим к планете. Штурмана у нас нет, так что придется справляться в четыре руки.

– Ты можешь объяснить по-человечески? – вскинулась в ответ Ирэн. – Где мы находимся? Куда ты хочешь нас сажать? Вообще, какого черта мы здесь очутились? Ты же говоришь, ты понял... что ты понял?

– Нам некогда спорить! – завизжал Хикки. – С минуты на минуту они прилетят по нашу душу! Скорей в рубку, пошла, пошла! Если они нас достанут, нам точно конец, ты понимаешь?! Нам конец!

Ирэн вылетела в коридор, как намыленная. Чего-чего, но психоза она от Хикки никак не ожидала: всегда самоуверенный и ироничный командир орал так, будто его резали, да еще и неистово вращал глазами; зрелище было вполне убедительное.

– Суки, падлы!.. – стонал Хикки, запуская со своего пульта маршевые двигатели. – Ну откуда, ну откуда же я мог знать!.. Ну надо же будет так глупо сдохнуть! Утопили как щенка, т-твою в бога душу мать!

Минуту спустя «Олдридж» тронулся с места и, ускоряя ход, начал поворачивать к голубой планете. Хикки тем временем ломал пальцы, на скорую руку вводя навигационные параметры входа в атмосферу. От Ругача и в самом деле не было никакого толку: изнасилованный штурман глотал виски и пытался выбраться из шока.

– Заходим на ночную сторону, – скомандовал Хикки. – Ближе к экватору: если я не ошибаюсь, там должны быть лесистые равнины. Если повезет, найдем какое-нибудь поле.

Ирэн послушно повернула штурвал, готовясь войти в атмосферу. Хикки задал навигационному «мозгу» весьма рискованные данные на вход: пробежав глазами по дисплею, девушка догадалась, что он почему-то здорово боится зенитного удара. Фактически, камион вваливался в атмосферу под прямым углом. На секунду ей стало страшно, но потом Ирэн сумела взять себя в руки и обреченно подумала о том, что командир, наверное, знает что делает.

Ходовая рубка наполнилась истерическим звоном индикаторов противоперегрузочной системы. Ирэн показалось, что такого она еще не слышала: индикаторы кричали о том, что старый грузовик испытывает сейчас перегрузки, способные разнести его в клочья. Но Хикки действительно знал, что делал.

– Угол – ровнее! – крикнул он ей.

Ирэн машинально отработала его команду. «Олдридж» стремительно снижался, раскалившись, он уже пробил муть верхних слоев атмосферы, и по обзорным экранам полетели далекие темные волны океана.

– Еще ровнее! Выдерживай!

Она убрала тягу до минимума. Маршевые двигатели почти смолкли, теперь камион, продолжая терять высоту, шел на одних эволюционниках. На пару секунд нос корабля увяз в густой облачности. В следующий миг Ирэн увидела несущиеся на нее величественные горы...

«Олдридж» перемахнул через цепь, грохотнул тормозными двигателями, и под его днищем проснулись голубоватые вихри опорной тяги. Задымились, затрещали ломаемые деревья. Пузатая трехсотметровая махина грузовика медленно опустилась прямо посреди влажного тысячелетнего леса. Посадочные двигатели высушили небольшое болотце, выжгли сырой подлесок: корабль сел, окутанный густыми облаками дыма и пара.

– Дылда, – позвал Хикки уже вполне спокойным голосом, – у тебя есть крепкий комбез?

– Есть, – отозвалась Ирэн. – Флотский. А что?

– Бери его, если есть – оружие, – и ко мне. Нам пора сматываться. Пока что нам везет, но я не думаю, что это будет продолжаться вечно.

Отключив пульт, Хикки выбрался из рубки. Штурман успел высосать почти всю бутылочку и более-менее пришел в себя. Он сидел в кресле, глядя на мир полными тоски глазами, и слабо вздыхал. Хикки прошел мимо него, распахнул валявшийся на полу кофр и принялся обвешиваться снаряжением. Когда в каюту вошла одетая в синий комбинезон девушка, он был почти полностью экипирован.

Его вид едва не заставил Ирэн пошатнуться. Поверх боевого комбеза на Хикки была наброшена коричневая куртка из прочнейшей кожи, отороченная мягким темным мехом. Под ней виднелись разнообразные сумки, подвешенные к поясу и портупеям, на правом бедре в специальном «кармане» висел зловещий четырехствольный излучатель неведомой ей модели, а слева торчала кобура с «Моргенштерном». Оглядев свою подругу, Хикки недовольно скринулся и, нагнувшись над кофром, протянул ей широкий пояс с множеством карманов.

– Держи, – сказал он. – И еще вот это.

Из кофра появился короткий тупорылый излучатель с парой косо срезанных стволов и несколько плоских черных магазинов к нему. Хикки взвесил его на ладони и протянул девушке.

– Свой «Тайлер» я отдал Джерри, – объяснил он. – А тебе одного будет мало.

Ирэн застегнула на бедрах пояс, поправила висевший за спиной небольшой ранец и поглядела на штурмана.

– Ты сможешь идти?

– Смогу, – вздохнул тот. – Теперь уже, наверное, смогу.

– Умничает, – фыркнул Хикки. – На мне сорок килограммов навьючено, а он... двинулись!

Ругач шел не пустым: Хикки все-таки вручил ему пару поясных подсумков с боеприпасами. Они покинули каюту командира, спустились вниз и вскоре вышли к экипажному шлюзу правого борта. В ярком свете плафона Хикки заметил, что Ирэн дрожит, как осиновый лист. Он стиснул пальцами ее запястье и нажал кнопку.

Когда перед ними раскрылась толстенная внешняя дверь, Хикки опустил забрало и глухо приказал:

– За мной след в след! Не теряться, не шуметь!

В лицо Ирэн ударил холодный и сырой ветер. Кругом пахло странной смесью осеннего дыма сгоревших листьев и затхлости. Хикки быстро спустился по трапу и тотчас же растворился в темноте. Ни один из посадочных прожекторов не горел, за спиной лишь слабо светился внутренний зеленый плафон шлюза. Спрыгнув с последней металлической ступеньки, Ирэн

оказалась во мраке безлунной и беззвездной ночи. Кругом стояла полная тишина. Обитатели болот, перепуганные ревом и пламенем корабля, попрятались от греха подальше.

– Куда идти? – шепотом спросила Ирэн.

– Вперед, – ответил ей невидимый во тьме Хикки. – Осторожней, тут бревно. Не бойся, на самом деле здесь не так уж и темно... ты сейчас привыкнешь.

– Почему не видно спутника? – подал голос Джерри.

– Идиот, – вздохнул Хикки. – Потому что тучки на небе. Ну что, пошли наконец? Держитесь лучше за руки...

Они молча шли почти час. Ирэн промочила левую ногу, Ругач три раза падал в какие-то ямы, увлекая за собой и ее, и в конце пути она мечтала лишь об одном: упасть так, чтобы уже не подняться. Хикки несколько раз останавливался, вслушиваясь во что-то, потом опускал поднятую руку и шел дальше. Влажный лес потихоньку наполнился звуками – из чащобы то и дело раздавался низкий утробный вой, заставлявший девушку содрогаться в ознобе, где-то рядом с ними вдруг кто-то ехидно захохотал: Ирэн вскрикнула, остановилась, но успевший прислушаться Хикки успокаивающе хлопнул ее по плечу, и они пошли дальше. В конце концов его странный инстинкт вывел всю группу на сухое место. Хикки почти минуту стоял молча, потом тихо хмыкнул и сбросил с плеч свой ранец.

– Можно садиться, – сообщил он. – Привал пятнадцать минут. К рассвету мы должны убраться отсюда на такое расстояние, чтобы они не смогли нас найти. Чем шире будет радиус поиска, тем лучше для нашего здоровья.

Ирэн опустилась на полусгнивший ствол дерева и устало вытянула ноги.

– Может, ты все-таки расскажешь нам, куда мы попали?

Хикки слабо усмехнулся и вытащил сигарету. Огонек зажигалки, слишком яркий в глубоком мраке, неприятно резанул Ирэн по глазам. Она отвернулась, ничего не видя перед собой.

– Эта планета называется Эрилак, – негромко произнес Хикки. – Не пытайтесь рыться в памяти, вы о ней не слыхали. Это вообще не имперская территория. Планету нашли неутомимые лидданы, это было лет сто назад, но осваивать они ее не стали, потому что здешняя звездочка дает поток йот-излучения. Людям здесь тоже делать нечего, но на нас оно давит не так сильно... Об этом мире мы знаем очень мало – например, я ждал, что гравитация будет поменьше: кажется, тут должно быть очень много всяких летающих тварей. Я не знаю, кого тут можно есть, да и можно ли вообще. Я вообще почти ничего не знаю – кроме того, что тут гарантированно нет телефонов, ресторанов и сортиров с электроподогревом... это да.

– Ну? А мы тут как оказались?

– Здесь нас ждали покупатели. Ребята, вы знаете что было у нас в трюме?

– Запчасти к сельхозтехнике, – мрачно буркнул Ругач.

– Верно, запчасти. Только наша сельхозтехника называется мобильным оперативно-приводным комплексом, модель «Хаузер»: способен заводить на посадку три объекта одновременно и при этом решать довольно широкий спектр противодесантных задач. Проще говоря, с помощью «Хаузера» можно сажать кучу кораблей сразу да еще и отбиваться от атакующих. Хорошая штука, я думаю. Их поставляли ортам... здесь, на Эрилаке, осела банда ренегатов-сепаратистов, так называемая группа «Зеленый Узор», ушедшая с одной из ортианских колоний. Так что я вас поздравляю: мы влипли в замечательную историю. Эти «зеленые», очевидно, прихватили с собой кучу импортного вооружения, но оно, естественно, нуждается в ремонте и обслуживании.

Ирэн обреченно замотала головой.

– Боже, какая я была дура...

– Что ты хочешь этим сказать? – прищурился Хикки.

– Мне сказали, что это будет самый обычный случай... якобы авария, потом получение страховки. Нас должны были забрать с корабля... перед самым Мармоном. Я еще хотела ска-

зять тебе об этом, но вот не успела. Мы так резко уснули!.. Черт, какая же я была дура! Но как же они протащили оружие через таможду?

– Таможня в очередной раз подтверждает мои мысли: игра тут крупная. Кстати, я сразу понял, что дело здесь нечисто... сразу, как только я увидел рожу этого уроды Бакли, ну, того, который моторист.

– Который ходил в кожаном жилете?

– Да. Я только никак не мог вспомнить, кто же он такой на самом деле. Ну, теперь вспомнил – снотворное быстро прочистило мне мозги. Никакой он, конечно же, не Бакли. Его зовут Чич Фернандес, это известный ублюдок – пират, киднэппер и прочее. Вообще, приятная личность, известен своими садистскими наклонностями. Год назад он удрал из-под стражи на Сент-Илере, и с тех пор где-то отсиживался. А тут вот – пожалуйста, появился.

– Я промочила ноги, – отстраненно сообщила Ирэн.

Хикки поморщился и тщательно затоптал свой окурочок.

– Утром забьемся в какую-нибудь лошину и разведем костер. Я и сам начинаю уставать, и жрать хочется как перед смертью... но сейчас нужно идти. Мы идем в сторону предгорья, там должны быть пещеры, ущелья – мы сможем залезть в какую-нибудь нору и отдохнуть. Пошли, вперед...

Глава 5.

Рассвет они встретили в глубоком русле пересохшей некогда реки. Здесь уже успели вымахать огромные деревья, и Хикки загнал свой маленький отряд под переплетенье воздушных корней одного из них.

За те несколько часов, что минули с момента их поспешного бегства, пройти удалось немного: как Хикки не ругался, но двигались они медленно, тем более что вскоре после привала путь пошел наверх. Здесь лес стал значительно суше, на редких полянках под ногами зашуршал песок. Несколько раз буквально в метре от них вспыхивали странные зеленые огни; люди замирали, цепenea от ужаса – что-то темное, очень большое беззвучно скользило меж стволов и терялось во мраке.

Едва присев, Ирэн тотчас же провалилась в тяжелый полусон, смутно ощущая, как руки Хикки расстегивают и снимают с ее ног крепкие ботинки на толстой подошве, массируют ступни и заботливо укутывают их во что-то мягкое. Свернувшись клубочком, она положила голову на свой ранец и уснула по-настоящему.

Ругач тоже задремал, полулежа устроившись на толстых корневищах приютившего их дерева. Хикки тем временем распечатал кусок свиного окорока, отрезал себе изрядный кусок и, прихватив для верности бутылку, решительно выбрался под первые лучи поднимающегося солнца. Убежище он выбрал верно: сверху беглецов было не найти. Хикки прошелся по песчаному дну забытой реки, втянул носом воздух. Где-то неподалеку находился ручей.

Махтхольф повесил свой «Нокк» на плечо, так, чтобы стволы смотрели вперед, а рукоять управления огнем находилась прямо под правой рукой, и решительно раздвинул мягкие ветви невысокого деревца, выросшего под «его» гигантом. Перед ним было достаточно широкое песчаное ущелье, поросшее густой шерстью голубовато-зеленого кустарника. Кое-где на пологих склонах выросли большие, могучие деревья, уже начинавшие отбрасывать тень; солнца он пока еще не видел.

Пройдя два десятка метров, Хикки выбрался к довольно глубокому каменистому овражку, понижу которого из песка бил родник, образуя небольшое озерцо. Дальше по руслу стекал небольшой ручей, терявшийся среди зарослей. Хикки наклонился, нюхая воду. Какое-то животное размером не больше ладони с плеском выпорхнуло из воды и поспешно скрылось в листве. Хикки проследил взглядом его движение и вдруг замер, пораженный.

Правее бочажка, в довольно большом каменисто-песчаном углублении, мертво скалился глазницами вытянутый, словно у крысы, буро-коричневый череп. Вскочив на ноги, Хикки бросился туда. Как он и ожидал, рядом с черепом обнаружился полуистлевший комбинезон, подгнившие ремни снаряжения и уже начавший ржаветь излучатель с характерно изогнутой рукоятью, формовавшейся не под человеческую ладонь. Рядом лежал скрюченный обезглавленный скелет, дочиста обглоданный обитателями этих мест.

– Корварец... – задумчиво произнес Хикки. – Купаться он, что ли, собирался? Но, гм, кто ж его так разделал?

Порывшись в сумке и карманах комбинезона, он обнаружил овальную аптечку офицера корварских ПДС, несколько сменных обоем, транскодер от какого-то аппарата русского производства и упругий желтый шарик, применявшийся в корварской технике в качестве носителя информации. Никаких документов или личных шифрокарт, способных пролить свет на личность покойника, обнаружить не удалось. Впрочем, Хикки и так видел, что перед ним не солдат: комбинезон был армейским, но оружие и снаряжение не соответствовали стандарту. Излучатель был выпущен на Корваре лет сто назад и давно не использовался в войсках, к тому же отсутствовал и весьма характерный головной убор, вытянутый рогатый шлем из непроби-

ваемого бронепластика. Такой шлем мог пролежать тут больше века, не истлев и не развалившись.

«Интересно, – подумал Хикки, оглядываясь по сторонам, – кой черт унес его сапоги?»

Внимательно осмотрев излучатель, Хикки обнаружил, что в испаритель забита полная обойма – значит, мертвец вряд ли отстреливался от своих убийц.

Ему стало не по себе. Кто – или что? – обезглавило вооруженного корварца, способного выжечь пол-русла одной длинной очередью? И какого дьявола ему, генетически – обитателю сухих горячих степей, понадобилось лезть в воду, до которой он не был большим охотником?

Хикки спрятал в карман желтый шарик корварца и вернулся к озерку. Встав на колени, он всмотрелся в его прозрачную глубину. Затем, чертыхаясь, захлопнул забрало шлема.

На самом дне что-то тускло блестело.

Хикки сбросил с плеч кожаную куртку, загерметизировал стык шлема с наплечником и решительно нырнул в воду. Ее холода он не почувствовал: система жизнеобеспечения включилась автоматически, в шлем пошла дыхательная смесь. Хикки встал на колени, пошарил перед собой руками и вскоре вынырнул, зажав между пальцами прямоугольную золотистую пластинку.

Это был имперский ключ-транскoder, причем настолько древний, что Хикки, взглядев-шись, едва не ахнул: ключ был сделан во втором столетии после Переселения...

Выходило, что корварец, скорее всего, уронил вещьцу в родник. Значит, она была для него настолько ценной, что покойник решился лезть в воду... а от воды его мутило. Еще раз оглядев местность и не найдя ничего для себя интересного, Хикки подхватил куртку и поспешил к своим подопечным. Транскoder он спрятал в глубокий внутренний карман комбинезона.

Ирэн и штурман спали. Устроившись поудобнее среди корней, Хикки принялся закусывать окороком. Спать ему пока не хотелось, и он знал, что захочется еще не скоро: все случившееся настолько вздрючило его нервы, что Махтхольф находился в состоянии какого-то болезненного возбуждения, схожего с лихорадкой. Внешне он не терял самообладания, выглядев почти спокойным, но внутри него метались тысячи мыслей одновременно... впервые в жизни он не знал, что делать.

Будь он один, Хикки скорее всего остался бы в засаде рядом с брошенным грузовиком. Напав на пришедших за товаром хозяев, он, возможно, смог бы как-то улучшить свои перспективы – добраться до средств связи или даже, при успешном развитии событий, разжиться каким-нибудь транспортом. Планетарный катер сейчас бы не помешал! Но он был не один. Рядом с ним безмятежно сопели двое совершенно беспомощных людей, не способных самостоятельно выжить в подобных условиях. Он не мог бросить их и на час.

Хикки закончил свой завтрак, облизнулся и достал сигарету. Курить на открытом пространстве он все еще не решался – в конце концов преследователи могли использовать даже инфракрасные детекторы – вероятность, конечно, была ничтожной, но отбрасывать ее все же не следовало. Впрочем, Хикки не мог сказать, начнут ли их искать вообще. Чич Фернандес, обнаружив корабль на планете, вряд ли решит, что три человека без техники и тяжелого оружия могут причинить ему какие-либо неприятности. Это выглядело слишком фантастично. Но Хикки хорошо помнил, что в жизни порой случаются самые невероятные ситуации – и потому считал, что в первую очередь им следует уйти как можно дальше от «Олдриджа». Вдобавок ко всему ему очень не понравились сырые джунгли низин, по которым они двигались ночью. Здесь, в предгорье, дышалось значительно легче.

Под боком у Хикки заворочалась Ирэн.

– Спи, – прошептал он. – У нас еще куча времени.

– Я хочу есть, – ответила девушка и села. – Господи, я все еще не понимаю, где я и что со мной...

– Ничего хорошего, – Хикки отрезал кусок мяса, достал флягу с питательной жидкостью и протянул ей. – Мы живы благодаря случайности: мой организм оказался крепче, чем они думали. Проснись я чуть позже... впрочем, мы и не проснулись бы. Хе-хе!.. дядя Хикки показал уродам задницу. Вопрос только: надолго ли?

– И что теперь?

Хикки вернулся в прежнее полулежачее положение.

– Не буди Джерри, пусть себе дрыхнет. Что теперь? Вот я и думаю, что же теперь... Здесь можно дышать, наверное, можно пить воду: у меня есть таблетки для бактериологической обработки. Но что, интересно, мы будем жрать? Даже если очень экономить, моих запасов хватит дня на три. Потом?... потом будем кушать друг друга.

– Замечательно, – Ирэн поперхнулась, закашлялась и раздраженно сплюнула в сторону. – Ты говоришь об этом с таким спокойствием...

Линкор «Оффенрор-44», окрестности Мармона; тогда же.

– Так вы думайте, черт возьми...

– Я пытаюсь, вице-маршал, но посудите сами: где, как я могу найти грузовик, который успел уйти черт знает куда?

– Не «черт знает», Лосси, отнюдь не черт. Я же говорил: дозорный форт Рича Бэнкса засек его первый поворот. Первый был выполнен верно, и после поворота «Олдридж» совершенно честно разогнался. Значит, они свернули на втором повороте. Дальше – думайте головой: куда они свернули? Грузовик был заправлен «впритык» до Мармона, следовательно, лишние маневры исключаются. Они просто изменили курс в какую-то другую сторону. Вот тебе и вся математика. Тем более, не забывай про Махтхольфа.

– Вы считаете, что Хикки успел вмешаться во всю эту бодрягу? Но ведь вы же сами сказали, что он, скорее всего, не знал о том, что происходит на борту? Ведь он же там – случайно?

– Даже «случайный» Хикки способен навертеть чертям хвостов. Я допускаю, что его переиграли в каком-то частном моменте, но это не значит, что он не пытался вмешаться. Угрожать его тоже не так-то просто...

– Почему он тогда молчит? Он что, не может как-то связаться... ну, хотя бы и с вами? Или вообще – с кем-нибудь?

– Значит, не может. Вот ты и думай: а откуда он не может? Думай... времени у тебя не так уж и много.

Тяжело сопя, полковник Лоссберг приподнялся в кресле и одним глотком допил свой кофе – густой, как патока; сидевший напротив него Кришталь осторожно кашлянул и поинтересовался:

– Что, дедушка опять чего-то не договаривает?

– Дьявол его раздери, этого дедушку. Давай думать: куда мог подеваться поганый «Олдридж», имевший курс на Мармон? Какой у него был второй поворот?

Кришталь закатил глаза. Для таких расчетов вычислитель ему не требовался. Лоссберг всегда отбирал себе лучших – если старший специалист задерживался в его экипаже больше, чем на один вылет, значит, то был профессионал высшей пробы. С Кришталем они ходили уже три года.

– Если они шли с нормальной скоростью...

– С расчетной.

– Тогда в иксах у нас получаются две десятки, это ясно, как белый день. А вот в игреке...

– Кришталь остервенело поскреб ногтями заросшую рыжим волосом грудь и довольно осклабился: – А в игреке сто семнадцать.

– Сто семнадцать, – повторил Лоссберг.

Он выбрался из кресла и с чашкой в руке прошелся по салону. Толстый коричневый ковер скрадывал звук его шагов. Вернувшись к столику, полковник наклонился и налил себе из кофейника еще чашку.

– Дьявол! – вдруг рявкнул он.

– Да-да, – кивнул Кришталь. – Поворачивать просто некуда. Куда б они ни сунулись, всюду одно и то же – потеря скорости. И потом: сойти с этих «десяток» может только очень классный штурман, потому что там кругом облака – переход на другой «икс» означает новый разгон... а горючее? Кто заправляет камионы так, как предписано боевыми инструкциями? Такого не бывает. Заправленный камион неизбежно возбudit всю таможеню.

Лоссберг хлебнул кофе и остановился напротив огромного книжного шкафа. За толстым стеклом виднелись золоченые корешки дорогих, переплетенных в кожу изданий: тут были древние земные философы и военные теоретики, разбавленные переводами еще более древних стратегов иных звездных рас.

– Но куда-то же они свернули? – пробурчал полковник, сверля глазами красноватый том поучений Сунь-цзы.

– Сколько у нас времени? – спросил Кришталь.

– Мало. Ты хочешь посчитать?

– Я хочу подумать.

– Тогда думай здесь. Считать будешь уже курс.

Штурман встал из-за стола, подошел к одной из деревянных панелей, которые украшали боковую стену командирского салона, и решительным движением распахнул почти невидимую дверцу бара. Пошарив рукой в его темной глубине, флаг-майор уверенно вытащил высокую треугольную бутылку.

– Урод, – произнес Лоссберг без всякого выражения. – Шантажист.

Кришталь согласно боднул головой, вернулся в кресло и налил себе полную чашку пахучей темной жидкости.

– Я, – начал он, – в гробу видал подобные головоломки. Ты знаешь, что они могли сделать? Они могли заменить в «игреке» одну-единственную цифру – для этого большой квалификации не требуется. Они могли сыграть не сто семнадцать, а сто семьдесят семь. Поворот получается на той же самой скорости, и разгон такой же. Тогда через десять часов хода твой камион покидает имперскую территорию, а еще через пятнадцать выходит прямехонько на Эрилак. Но я не стал бы там летать.

– Возьми стакан, – приказал Лоссберг. – Налей мне... Эрилак! Хорошенькое дело! Интересно, что по этому поводу скажет дедушка?

* * *

Когда солнечные лучи затрепетали сквозь верхушки огромных деревьев, Хикки решил тронуться в дальнейший путь. Весь день он внимательно вслушивался в небо, каждую секунду ожидая шума летательного аппарата, но все было тихо. Их не пытались искать. Тем не менее, Хикки продолжал настаивать на необходимости уйти как можно дальше от застрявшего в мокром лесу грузовика – что-то настойчиво гнало его вверх, туда, где на западе слабо серебрились вершины древних гор.

Отдохнувшие и немного оправившиеся от пережитого ими шока, Джерри и Ирэн шли куда бодрее, чем ночью. Они двигались по неровному редколесью, поросшему высокой голубоватой травой. Несколько раз впереди мелькали силуэты каких-то небольших животных, но ничего похожего на настоящую опасность Хикки пока не встретил.

Несколько раз пришлось перебираться через неглубокие речушки, но теперь мокрые ноги уже не так действовали на нервы: здесь было значительно теплее, чем в ночном лесу.

На закате Хикки обнаружил глубокую сухую лошину и остановился перекусить.

– Надо продолжать в таком же темпе, – заметил он, распечатывая пакет с галетами. – К полуночи мы выйдем в предгорья. Там уже будем разбираться, кого тут можно есть, а кого нет.

– Интересно, как? – поинтересовался Ругач.

– Есть способы...

Хикки не врал: у него был универсальный анализатор, позволявший определить наличие веществ, опасных для человеческого организма. Но, с другой стороны, Махтхольф прекрасно знал, что отсутствие ядов не всегда свидетельствует о съедобности пищи. В его памяти были случаи, когда человек, попробовав вполне аппетитного на вид мяса, валился в лазарет с тяжелейшим отравлением. Здесь лазаретов не было. На чужой планете «робинзонада» была практически невозможна, но все-таки ему очень хотелось верить, что он сумеет найти пищу.

Хикки сделал глоток виски, плотно завернул пробку и спрятал бутылочку во внутренний карман. Его запасы алкоголя были далеко не безграничны.

– Ну, – сказал он, поднимаясь, – идем дальше...

И замер. Подувший с запада ветерок принес с собой совсем близкий крик – короткий, полный ярости крик человека. Хикки насторожил уши и, сделав остальным знак притаиться, начал медленно выбираться из лошины. Едва его голова приподнялась над травой, которая покрывала край обрыва, как он издал нечленораздельный вопль и одним рывком выскочил наверх, сразу же откатываясь в сторону и сдерживая с себя излучатель.

Прямо на него, извиваясь и странно посверкивая – казалось, внутри кошмарного тела вспыхивают разноцветные искорки – по воздуху плыло жуткое и непонятное создание. Оно было похоже на многометровый овальный ковер густо-фиолетового цвета. Ковер этот то сворачивался, то раскрывался снова; из-за желтого валуна, расположенного в полусотне метров от лошины, по нему часто и беспорядочно стреляли. Хикки открыл огонь, не разглядывая чудовища и не думая о том, какую, собственно, опасность оно представляет.

Его излучатель взревел всеми четырьмя стволами, утопив летающую тварь в голубых струях огня. «Ковер» развернулся, сразу став намного больше, чем представлялся ранее и с мокрым ударом рухнул в дух шагах от Хикки. В воздухе поплыло ужасное зловоние.

Хикки отбежал в сторону от поверженного чудовища и повел стволами, отыскивая того, кто стрелял из-за валуна. Долго искать ему не пришлось: на широкой поляне появилась рослая фигура в грязном десантном комбинезоне и поспешно затараторила извиняющимся басом:

– Мастер офицер, я свой! Не стреляйте, мастер офицер!.. я тут случайно, совершенно случайно, к ним я никакого отношения не имею!

Даваясь смехом, Хикки поднял забрало и двинулся навстречу.

– Деметриос, – фыркнул он, продолжая смеяться, – ты отчего такой небритый?

Мужчина в комбинезоне, и в самом деле по глаза заросший густой черной бородой, едва не пошатнулся. Несколько секунд он очумело разглядывал Хикки, потом провел рукой по лицу и тяжело сел на землю.

– Ты же в резерве, – сказал он.

– Ну, – нетерпеливо отозвался Хикки. – Я в резерве. А ты как сюда попал?

– Так ты не... не по службе?

– Нет... мои дела, признаться, плохи. Я тут, можно сказать, случайно. А ты?

– У тебя есть корабль?

Хикки раздраженно фыркнул.

– Марик... давай по порядку. Я не по службе. Я попал в дурную историю. Корабля у меня нет. А ты – что?

Деметриос тяжело вздохнул.

– Ну, тогда, все... а я уж обрадовался. У меня тоже нет корабля. Мы здесь два месяца. Было семеро, осталось трое.

– Раненые?

– Нет... я потом объясню. Ты один?

– Трое.

– Тогда зови своих, и пошли. Скоро стемнеет, а в темноте опасно находиться на равнине. Та тварь, которую ты прибил – это ужас, летающий ужас! Четверо наших погибли, пока мы не поняли, что ночью нельзя выходить на открытое место. Здесь полным-полно всякой дряни, но эта самая опасная. Она подкрадывается совершенно бесшумно, и раз – башки нет.

– Башки? – поразился Хикки.

– Ну да, эти сволочи отхватывают то, что сверху – уж я не знаю, почему это у них так. Одного парня такая гадость перерезала до пояса... а потом я нашел его череп, вылизанный дочиста.

Хикки покачал головой. Теперь ему стало ясно, почему так странно выглядели останки корварца. Он подошел к лощине и позвал своих.

– Кто это? – спросила Ирэн, увидев Деметриоса. – О... о боже, а это что?

– Мерзость, – ответил Хикки, глядя на смердящие останки охотника за головами. – Непонятно, как же она летает?

– Это какой-то живой антиграв, – объяснил Деметриос, подходя. – По крайней мере, я так думаю. Ну ладно, идемте со мной. У нас не так много времени.

Из-за валуна он достал черный пластиковый мешок, взвалил себе на спину. Хикки принюхался – пахло, кажется, кровью.

– Ты ходил охотиться? – спросил он.

Деметриос молча кивнул и двинулся в сторону деревьев.

– Что это за тип? – тихо спросила Ирэн, глядя ему в спину.

– Марик, контрабандист, – ответил Хикки, – бывший майор имперского гвардии гренадерского легиона «Теодор фон Бок». А вообще – хороший дядька. Кажется, он тоже влип в неприятности и завис на этой чертовой планете. Он говорит, что нам надо спешить – наверное, у него есть какое-то убежище. Прибавить шаг!

Тревожно озираясь, Хикки стиснул свой «Нокк» и занял место в арьергарде. Летающее чудище порядком напугало его. Он выставил охранный сенсор на режим поиска воздушного противника, опустил забрало шлема, и все же еще долго не мог успокоиться: каждую минуту ему мерещилось беззвучное приближение страшного фиолетового блина.

Когда солнце скрылось за западными горами и на редколесье опустились сумерки, Деметриос вывел маленький отряд к почти отвесной скальной гряде.

– Поднимайтесь следом за мной, – скомандовал он, – здесь тропа... только аккуратно, а то свалитесь.

Цепляясь за чахлые деревца, что выросли прямо среди камней, они поднялись на два десятка метров, и контрабандист уверенно нырнул в какую-то нору. Хикки последовал за ним.

Деметриос пробрался через узкий темный лаз, и они вдруг очутились в просторной пещере с чистым песчаным дном. Через щель в потолке струился слабый свет. Навстречу хозяйину из темного угла поднялись две молодые женщины, одетые в такие же, как и у него, грязные десантные комбинезоны. Одна была стройной, хотя и несколько крупнотелой блондинкой с огромными темными глазами – подойдя к Деметриосу, она коротко поцеловала его и сразу же перехватила тяжелый мешок с добычей. Вторая, миниатюрная, как девочка, с коротко стриженными русыми волосами, изумленно-радостно уставилась на внушительную фигуру Хикки, который застыл с излучателем в руках, рассматривая обстановку их вынужденного жилища. По всей видимости, Деметриос со своими людьми вынес сюда едва ли не половину небольшого эвакуобота. В дальнем углу пещеры стоял мобильный генератор, рядом с ним в стену уткнулась стационарная лазерная батарея с десятком зарядных ящиков на станке, под светом находилось несколько открученных кресел, стол и какие-то ящики.

Через несколько минут Хикки все стало ясно.

– Как ты знаешь, последнее время я работал на Деда, – рассказал ему Деметриос, – и вот он послал меня с Кассанданы на Ричмонд-Бар, это огромный новый форт между Западной петлей и Авророй. По дороге случилась авария, мы потеряли время, и тогда я решил сократить путь... да, а рядом с этой системой мы и наткнулись на «трио» леггах – обычная эскадрилья радиоразведки, они отсюда следят за изменениями в графиках имперских патрулей. Почему они нас не добились, я не знаю. Пока мы, семеро уцелевших, погасили пожар на нижних палубах, эти мерзавцы ушли вовсю. Мы удрали на эвакуаторе. Связи отсюда нет, сам понимаешь – ни один ретранслятор не слушает это направление. Ну, и вот... уже два месяца.

Хикки содрал с себя снаряжение, усталое сел в кресло и достал из кармана бутылочку.

– Выпей, – предложил он, – потому что корабля у меня тоже нет... будь оно все проклято!

Глава 6.

– Сперва я решил, что ты прилетел с экспедицией против этих уродов орти, – Деметриос разорвал руками прожаренный кусок жесткого серого мяса и протянул его Хикки. – Они все время шляются по окрестностям, пару раз даже стреляли в кого-то.

Хикки подозрительно обнюхал предложенное ему кушанье и отложил его на тарелку.

– Шляются по окрестностям?

– Летают, – кивнул контрабандист. – Непонятно только, в кого они палили... я облазил все кругом, но не нашел никаких следов чьего-либо присутствия. Вряд ли они стали бы стрелять по зверью.

– С воздуха?

– Да, они зависали на месте... это было похоже на то, будто от них кто-то убегал. Какой смысл тратить заряды на животное? Орти не охотники, ты же сам знаешь.

– Ты в курсе, что это за публика? – спросил Хикки, отхлебнув из бутылочки.

– Ты имеешь в виду орти? Не пойму... то ли пираты, то ли просто козлы какие-то. Я не знаю почему, но я как-то сразу решил с ними не связываться. У меня такое впечатление, что с ними что-то не в порядке.

– Совершенно верно, Марик. Это – «Зеленый узор», террористы-сепаратисты. Я и сам не до конца понимаю, что они не поделили с властями этом их Бооле, но факт то, что целый клан удрал с планеты, прихватив с собой большую кучу оружия. Интересно, с кем они воюют здесь? Ясно, что это не правительственные войска – те порешили бы их одним махом. Да... – Хикки потер лоб и тяжело вздохнул, – попали мы в переплет!

– Значит, их тут много? – встревожился Деметриос.

– Больше, чем хотелось бы. Обычно в клане около ста особ, но тут ничего нельзя сказать заранее. Я, по крайней мере, не имел информации о численности этой группы. Еще – странно: почему их не трогают центральные власти? Эрилак – «ничей» мир на нейтральной территории. Значит, никто не станет протестовать по поводу карательной миссии.

Деметриос горько покачал головой. Орти из беглого клана его практически не интересовали. За два месяца, проведенных на этой проклятой планете, он едва не поседел. Он потерял четырех товарищей, у него таяли боеприпасы и начинала таять надежда. Появление Хикки, которого он хорошо знал по прошлым временам, немного ободрило его – контрабандист считал Махтхольфа большим специалистом по выпутыванию из сложных ситуаций.

Правда, сам Хикки пока совершенно не представлял, что он может сделать...

– Как ты считаешь, где может находиться их база? – спросил он, тщательно обсасывая косточку от окорока.

– Где угодно, – хмыкнул в ответ Деметриос, – хоть на другой стороне планеты.

– Над тобой проходили только тяжелые аппараты?

– Я не разбираюсь в ортианской технике. То, что я видел, выглядело как небольшая серо-коричневая юла с хвостиком на крыше.

«Серо-коричневая юла с хвостиком, – повторил про себя Хикки, – да ты, брат, прямо художник. Если небольшая и с хвостиком... это, скорее всего, атмосферный радиокоординатор. Черт, какая же у него дальность? Да какая угодно... да, это не вариант – он действительно может стартовать на другой стороне планеты.»

– Знаешь, что странно, – произнес Хикки, – они до сих пор не нашли мой грузовик.

– С чего ты взял? – удивился Деметриос.

– С того, что там, где я его посадил, его не разгрузишь. Он валяется на брюхе посреди огромного болота. Кругом такой лес, что никакими транспортерами туда не подобрешься... следовательно, его нужно поднимать и уводить на базу. Ты слышал рев взлетающего корабля?

– Я слышал, как ты садился.

– Вот-вот. Рева не было... Как-то все это странно, тебе не кажется?

– А почему они вообще удрали с борта?

– А спроси... дотянули до самой планеты, перерезали всех ненужных свидетелей, – и вдруг попрыгали в эвакуботы и дали по газам. Какого черта? Кто их мог испугать?

Деметриос фыркнул.

– Тут полно леггах, – напомнил он, – это нейтральная территория, здесь нет ни одного патруля – ни имперского, ни чьего-либо еще.

– Ну вот, – засмеялся Хикки, – логика у тебя прямо-таки непробиваемая. Отчего ж тогда эти хреновы жабы не стали трогать корабль? Что, боеприпасов пожалели?

Марк Деметриос с хрустом потянулся и встал.

– Ложись спать, – предложил он, – я пока покараулю на входе. Потом, через четыре часа, подниму тебя. Дашь мне свою пушку?

– Давай лучше я первый, – ответил Хикки. – Пока еще мне неохота спать, зато потом... ты же знаешь, у меня дурацкая реакция на стресс.

– Знаю, – кивнул Деметриос. – Ладно, тогда сиди. И учти: здесь нужно стрелять во все, что шевелится. Во все!.. чертов мир.

Забрав с собой тарелки, контрабандист удалился вглубь пещеры, и Хикки остался один. Над его головой нависал массивный козырек из желтого камня – сдвинувшись чуть глубже, Хикки раскурил сигарету, погасил фонарь и удобно устроился на свернутой десантной палатке.

В глубочайшем черном небе висел незнакомый ему узор созвездий, над горизонтом тускло светился большой желтый диск единственного спутника планеты. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь слабым стоном ветра да шелестом ветвей. Хикки задрал голову, разглядывая звезды, но быстро понял, что отсюда он не разберется, где что.

Я неудачник, сказал он себе. Я профессиональный неудачник. За что бы я ни брался, все так или иначе приводит меня к неприятностям. Из-за ерунды я разругался со всей семьей, а ведь отец легко мог решить мои проблемы, из-за ерунды меня выперли со службы... что теперь? Теперь я подохну как последний идиот, глядя на эти чужие звезды, и никто даже не узнает, куда я, собственно подевался.

За его спиной мягко зашуршал песок. Хикки приподнялся и оглянулся: то была Ирэн, запахнутая в десантный бушлат с капюшоном. Она молча опустилась рядом с Хикки и положила голову ему на плечо.

– О чем ты думаешь?

– О том, – усмехнулся Хикки, – как мне не везет в этой проклятой жизни. И еще об этих проклятых звездах, которые так манили меня с детства.

– Меня тоже...

– ... ну, вот мы и доигрались в звездолетики. На этой планете творится что-то непонятное, и я думаю, у нас маловато шансов убраться отсюда живыми.

Она подняла голову, и глаза влажно блеснули в мертвом свете луны:

– Я думала, женщин принято подбадривать, а ты...

– Да на кой черт. Ты сама все понимаешь. Из такого расклада не вылезет никакой герой. Разве что Дед... но где он?

– Твой дед?

Хикки тихо рассмеялся.

– Нет, не мой. Просто есть такой человек – дед... он старый, но, кажется, всемогущий. Настоящий супермен из старой жизни, теперь таких не выводят. Не спрашивай, кто он – даже умирая, я не стану об этом болтать. Так вот Дед, пожалуй, вылез бы. А я...

– А ты – хуже?

– Я?!

Хикки устало опустил плечи. Перед его глазами появилось сухое скуластое лицо в обрамлении длинных пепельно-седых волос: тонкие, презрительно поджатые губы, сверлящий взгляд давно выцветших глаз. Сама мысль о том, чтобы поставить себя на одну доску с Дедом, показалась ему святотатством.

– Дед, – твердо сказал он, – это маг, это лучший солдат во Вселенной... спи, Дылда, и пусть тебе приснится, как он вытаскивает нас из этого дерьма.

Имперский линкор «Оффенрор-44», окрестности Мармона; восемью часами ранее.

– Мы потратили на анализ целую кучу времени. Флаг-майор Кришталь – а я, вы знаете, ему доверяю – считает, что две десятки и сто семьдесят семь в игреке, это единственный реальный вариант.

Абонент Лоссберга раздраженно вздохнул.

– Да, я понимаю тебя... но это уже слишком.

Полковник молчал. Он догадывался, что тот, с кем он говорит, знает гораздо больше чем он сам. И если уж он считает, что поворот на Эрилак – это слишком, значит, так оно и есть. Но в то же время Лоссберг знал и другое: логика Сэмми Криштала безукоризненна. Несколько часов они гоняли все возможные и невозможные варианты, после чего Лоссберг решился на экстренный вызов по закрытой линии связи. И вот теперь ему говорили, что этого не может быть!

– Я жду ваших приказаний, – негромко произнес он, чтобы нарушить затянувшуюся тишину.

– Для тебя Эрилак – это не менее пятидесяти часов, – скрипнул ответ.

– Совершенно верно. Даже для меня.

Снова короткий вздох.

– Я свяжусь с тобой в ближайшее время. Начинай считать курс.

Лоссберг провернулся вместе с креслом и откинул прозрачный колпак, закрывавший клавишу сирены боевой тревоги. Внутренности корабля прорезал истошный рев; морщась, полковник врубил интерком.

– Внимание по экипажу, – проговорил он и зашарил в карманах комбинезона, отыскивая сигареты.

– Почтительно, – пискнул кто-то.

– Зубы вышибу, – Лоссберг был серьезен. – Мы идем на нейтральную территорию. Вероятность огневого контакта с противником – восемьдесят процентов. Старшему артиллерийскому офицеру провести учебные стрельбы, инженерам и техникам проверить боеготовность огневых систем. Службе наблюдения и связи – готовность один на все время миссии. К старту!

В полутемных лабиринтах «Оффенрора» началось шевеление. Заспанные люди, кое-как ополоснув лица, поспешно застегивали на себе комбинезоны и вылетали в коридоры, спеша занять места по боевому расписанию. Пальцы вахтенных пилотов стремительно скользили по ожившему ходовому пульту, готовясь к запуску чудовищных двигателей линкора, в бортовых башнях побросала карты дежурная смена комендоров – включив запыленные стойки, они начали обязательный в таких случаях тест. Лоссберг пружинисто выбрался из кресла, оправил на себе пояс и покинул свою просторную рубку, где полированное дерево соседствовало с тисненой кожей, а ободки дисплеев отливали золотом.

Капсула внутреннего перемещения вынесла его в носовую часть корабля. Покинув ее уютное нутро, Лоссберг поднялся на следующую палубу и замер перед мощной дверью центрального навигационного поста. Под сводчатым потолком на него мертво скалился двуглавый имперский орел.

Дверь бесшумно уехала в сторону.

– Командир в посту! – хрипло заревел голос Сэмми Кришталя, и четверо людей, сидевших за пультами, синхронно вылетели из кресел и замерли по стойке «смирно».

– Работаем, – Лоссберг махнул рукой и сунул в рот сигарету, которая уже несколько минут покоилась у него за ухом. – Сэмми, ответ – да... теперь чем раньше – тем лучше. Начинаем выползать на малых оборотах: разгон, скорее всего, начнем часа через два.

Кришталь мрачно осклабился.

– Нашим снайперам придется славно помозолить руки манипуляторами.

– Не в первый раз, – флегматично отозвался Лоссберг. – Да и, наверное, не в последний. У тебя есть кофе?

День седьмой.

Хикки спал плохо. Кошмары, правда, его на сей раз не мучили, зато он несколько раз просыпался и мучительно вслушивался в гробовую тишину пещеры, нарушаемую лишь негромким сопением Ирэн, уткнувшейся носом в его плечо. Утром он поднялся с тяжелой головой и ощущением обреченности всего сущего. Лара – так звали блондинку Деметриоса – уже готовила на костерке завтрак, вторая девушка еще спала. На выходе из пещеры ему попался Ругач, такой же мрачный, как и он сам. Штурман что-то пробурчал и скрылся в полумраке – солнце еще не доставало до трещины в своде, и внутри было почти так же темно, как и ночью.

Деметриос сидел на плоском белом камне, положив на колени излучатель, и задумчиво курил позаимствованную у Хикки сигарету.

– Ну что, – хмыкнул Махтхольф, – череп за ночь не отъели?

Гвардии grenадер сплюнул себе под ноги.

– Ты не шути, – проворчал он, – их тут знаешь сколько?

Хикки примостился рядом с ним. Несколько минут они сидели молча. Хикки поглядывал на далекий золотисто-алый диск поднимающегося солнца и думал, сколько времени человек может выдержать его излучение. Теоретически оно было не так уж и опасно – но последствия могли проявиться потом, через годы и даже десятилетия. Ему ужасно не хотелось задерживаться на этой проклятой планете...

– Твой штурманец может держать оружие? – вдруг спросил Деметриос.

– Джерри? Даже не знаю – что-то я не замечал в нем особого боевого духа. Ирэн – да, это без сомнения... а к чему это ты?

– Я не могу здесь сидеть, – Марик звучно высморкался, – эти бабы сведут меня с ума. Обычно я на весь день ухожу на охоту. Пойдешь со мной?

– Разумеется. Далеко?

Деметриос пожал плечами и поднялся.

– Пошли жрать.

За завтраком хрупкая Нора то и дело бросала плотоядные взгляды в сторону Ругача, но того не интересовало, кажется, ничто на свете: штурман флегматично жевал и смотрел внутрь себя. Хикки не без тревоги подумал, что у парня началась беспросветная депрессия, способная погубить его. Способов лечения тут не было. Оставалось лишь надеяться, что через некоторое время он сам вернется в нормальное состояние.

Попробовав все-таки желеобразного мяса, Хикки вытер губы и повернулся к своей подруге:

– Мы уходим, возможно, на весь день. Не расставайся с той пушкой, что я тебе дал, и будь внимательна. Хорошо, Дылда? Здесь опасно все, а надеяться я могу только на тебя, – добавил он, понизив голос. – Эти летающие твари... по ним нужно стрелять сразу, ясно?

Ирэн подняла глаза – они вдруг показались ему огромными – и коротко улыбнулась. Хикки поднялся. Этой улыбки ему было достаточно, он прочел в ней все: готовность ждать, сражаться и снова ждать... столько, сколько будет нужно.

Деметриос осмотрел свой излучатель, засунул за пояс свернутый мешок и подтолкнул Хикки к выходу из пещеры:

– Давай... будем к вечеру! – бросил он не оборачиваясь.

Солнце уже взобралось выше деревьев. Хикки оправил на себе куртку – утро было довольно прохладным – и покорно заскользил вниз вслед за Деметриосом.

– Кстати, – произнес он, закончив спуск, – у вас не было отравлений?

– У меня нюх, – ответил Марик. – Даже не знаю как, но я определяю жратву без всяких анализаторов. А воду обрабатываем антибактериальными таблетками и кипятим. Пока был только понос, да и то не у меня.

Деметриос повел его вдоль подножия скалистой гряды. Утопая по пояс в высоких травах, Хикки шагал по неровной каменистой почве и вспоминал тот чертов день, когда он согласился взобраться на борт этого камиона.

«Сидел бы, – думал он, – себе на Авроре, дул виски... а что? полковничью пенсию не пропьешь и за полгода, хватало бы, в принципе, на все – так на тебе, приключений захотелось! Вот и получай приключения. Самое интересное, что никто даже и не узнает, где валяются мои кости. Хотя, в принципе, кого это интересует? Папашу? Братков? Разумеется, нет. Им это все... чертовы камни! – до задницы... ломоть отрезали, и где он теперь валяется? Как странно быть профессиональным неудачником!.. как странно все это ощущать.»

Словно прочитав его мысли, Деметриос вдруг остановился и задумчиво произнес:

– Нам всем еще повезло...

– Да? – осклабился Хикки, но ответа не дождался: бывший десантник вдруг сжался, поднял ствол и хищно прищурился. Хикки понял, что лучше не мешать и привычно присел, сливаясь с голубоватым фоном травы.

Деметриос медленно повернулся, внимательно вглядываясь в желтые пятна камней пониже скал. Проследив за его взглядом, Хикки заметил небольшое коричневатое животное, смешно привставшее на короткие задние лапы; уродливая голова с вытянутыми темными глазами смотрела прямо на них. Надо лбом вяло шевелился венчик тонких белесых щупалец.

Марик застыл на месте и вдруг, коротким рывком подбросив излучатель к плечу, выстрелил. Зверь пронзительно взвизгнул и завалился на камни.

– Он почти слепой, – объяснил Марик, – но если бы он нас почуял – хрен бы мы его догнали... идем, ужин нам теперь обеспечен.

– Поташим в пещеру? – спросил Хикки.

– Нет, просто завалим камнями, а потом заберем. До вечера он не испортится: сегодня будет не жарко.

Несколько минут они сосредоточенно пыхтели, пряча свою добычу под тяжелыми округлыми валунами. Закончив, Деметриос выпрямился и задумчиво воззрился на поднимающееся солнце. Хикки присел на камень, не совсем понимая, что он хочет высмотреть. Марик тем временем тяжело вздохнул и махнул рукой.

– Идем... дождя сегодня не будет.

Хикки встал и послушно зашагал следом за ним, но, не успев сделать и трех шагов, вдруг остановился. Деметриос встревоженно обернулся и впериł в него вопросительный взгляд. Из-за скал донеслось негромкое гудение.

– Они ищут «Олдридж», – произнес Хикки, – и они его найдут.

Аврора, территория Портленд; тогда же.

Несмотря на глубокую ночь, по авеню лениво скользили кары, наполненные деловитыми людьми. В их глазах стояла привычная пустота: все они, закончив свои дневные хлопоты, искали ночных развлечений. Время от времени медленно двигавшаяся машина останавливалась. Рядом с нею словно из-под земли вырастала фигура в темной одежде, происходил короткий торг, и кар сворачивал за угол, чтобы приткнуться в одной из многочисленных темных улочек. Несколько минут спустя машина возвращалась на авеню, вливалась в поток и исчезала, увозя с собой ночной товар, имевший хождение в этой «клоаке всех миров» – девочек, мальчиков, либо порцию запретного зелья.

Двое копов, что сидели в припаркованном у обочины патрульном «козловозе», глядели на происходящее с застарелой профессиональной скукой. Все это они видели тысячи раз. Сутенеры, драг-дилеры и всякого рода жуки, высыпавшие на улицы с наступлением темноты интересовали их не более, чем прошлогодний снег. Эта смена была точно такой же, как и большинство остальных – здесь уважали порядок и не мешали друг другу...

Большой «Лэнгли», затормозивший в десятке метров позади патруля, заставил водителя зевнуть и глянуть во внутрисалонное зеркало. Из лимузина торопливо выбрался высокий сухощавый старик в расстегнутом летнем пальто, и не оглядываясь ринулся ко входу в офисный билдинг, под которым стояла патрульная машина. Коп захлопнул пасть и отвернулся. Его напарник с хрустом распечатал новую упаковку жареного картофеля и потянулся за пивом – коробка стояла у него под ногами.

Тем временем поздний посетитель стремительно преодолел контрольный пост на входе, погрузился в лифт и вознесся на один из последних этажей небоскреба. В широком коридоре царил полумрак, редкие плафоны дежурного освещения тускло отражались в полированном металле дверных ручек; пожилой джентльмен прошел в самый конец коридора и дернул на себя деревянную дверь, лишенную каких-либо табличек или эмблем. В глаза ему ударил яркий неживой свет настольной лампы.

Покачиваясь во вращающемся кожаном кресле, за широким письменным столом сидел довольно молодой мужчина в темном плаще. Несмотря на то, что плащ был застегнут под самое горло, острый взгляд пожилого джентльмена сумел различить краешек ворота темно-синего кителя, украшенный золотистой петлицей – под цивильным плащом скрывался мундир.

– Здравствуйте, доктор. Присаживайтесь, прошу вас.

Седовласый старик опустил в респектабельное кресло, придвинутое к столу, и принялся рыться в карманах. Человек в мундире смотрел на него с неприкрытой насмешкой. Старик вытащил небольшой футляр, отделанный коричневой кожей аврорского орайела, извлек из него пару круглых пилюль, сунул их под язык и откинулся на спинку кресла.

– Эта дрянь погубит вас, доктор. Впрочем, сейчас это не имеет никакого значения. Вы знаете, почему я настоял на немедленной встрече?

Доктор помотал головой и причмокнул – пилюли стремительно рассасывались, принося так необходимое ему облегчение. Сейчас его уже мало волновали слова человека за письменным столом.

– Дело все в том, – тот приподнялся в кресле, положил локти на столешницу и навис над своим собеседником, – что товар не пришел туда, куда должен был прийти. Расскажите-ка мне, каких уродов вы набрали в экипаж?..

– Что-о?! – старик замотал головой, отказываясь верить услышанному. – О чем вы говорите? Как это не пришел? Куда же он, по вашему, делся?

– Вот это я и хотел бы узнать! Ваши сволочи опустили на поверхность, клянясь, что бросили грузовик на высокой орбите, но когда покупатели взлетели, чтобы забрать товар, там

не оказалось ни товара, ни грузовика! Куда ваши скоты дели корабль? Отвечайте, черт вас раздери!

Седовласый доктор прекратил сосательные движения и вывесил челюсть. В его расширившихся зрачках застыло недоумение.

– Но, полковник, – просипел он, – это же ужас, так ведь просто не бывает, вы понимаете? Это были самые лучшие, самые надежные люди, мне пришлось немало помучиться, прежде чем я смог на них выйти... как же они могли, как же это так...

– Ваши «лучшие люди» просрали товара на несколько миллиардов! – заревел офицер. – В какие игры они решили сыграть? Вы можете мне это объяснить? Я все понимаю, но какого дьявола они решили высаживаться? Куда делся грузовик? Если они хотели «загнуть» мой товар, то почему они высадились? Где тут, мать твою, логика? На что они рассчитывали?! Отвечай, старая развалина! Гудвин, ты слышишь меня?

Доктор Гудвин беспомощно замотал головой. В его мозгу начала разгораться яркая, хорошо знакомая ему звездочка.

– Мне нельзя волноваться! – истерически выкрикнул он. – Нельзя, нельзя, нельзя волноваться!

Его собеседник неожиданно взял себя в руки.

– Это точно, старая обезьяна, – согласился он, опускаясь в кресло. – Тебе действительно нельзя волноваться...

Сухо щелкнули пальцы.

Из полутемного угла комнаты беззвучно выплыли две широкоплечие фигуры в коротких куртках. Сильные руки приподняли дергающееся тело Гудвина и поднесли его к окну, занимавшему значительную часть стены. Офицер за столом выдвинул верхний ящик правой тумбы, что-то нажал, и поляроидное остекление поползло в сторону, впуская в кабинет прохладный воздух осенней ночи.

– Мне нельзя волноваться... – задыхаясь, прошипел доктор Гудвин за секунду до того, как его тело, получив некоторую порцию ускорения, попало в объятия ветра, раздраженно гудевшего на высоте сто двадцать второго этажа.

Тяжкий грохот, раздавшийся за их спинами, заставил полицейских стремительно обернуться. Короткая крыша «Лэнгли», десять минут назад привлекшего их внимание, в задней части была сплющена до уровня покатога багажника... бело-седая голова, обильно разукрашенная мозгами и кровью, лежала точно по центру растрескавшегося лобового стекла.

– Мать твою трижды поперек... – удивился водитель, доставая из кобуры свой бластер.

* * *

– Они же нас увидят! – выкрикнул Деметриос, судорожно озираясь в поисках укрытия.

– Уже увидели, – ответил Хикки. – В камни, живее!

Аппарат, неторопливо выплывший из-за желтых скал, ничем не напоминал тяжеловесные, наглухо бронированные имперские машины – пятнистая, сероватая юла размером с большой автомобиль замерла в воздухе и негромко загудела антигравитацией, готовясь к посадке.

– Стреляй! – тяжело задышал Деметриос и не без труда втиснул свое тело меж двух валунов. – Что ты не стреляешь?

Хикки не отвечал. В его шлеме, мягко мяукая, работал эфирный блокиратор, подавивший всю связь в радиусе двух километров. Он хорошо слышал, как вскрикивал связист-орти, пытавшийся вызвать базу. Разведчик тем временем дрогнул, движки загудели сильнее, и верткая машина опустилась на каменистый грунт.

– Стреляй же! – повторил Деметриос, не понимая, отчего медлит его напарник. – Ты что, уснул?

– Не спеши, – отрывисто произнес Хикки.

Теперь его внимание было приковано к опустившемуся аппарату. В борту машины раскрылся прямоугольный люк, из которого выпала короткая лесенка. Не дожидаясь, пока она коснется земли, в проеме появилась фигура человека в истасканном желтом комбинезоне. Хикки легко узнал своего пилота Терри Юслорфа – пару секунд тот озибался по сторонам, потом стиснул пальцами рукоять ортианского излучателя и прыгнул вниз.

Хикки пошевелился. Стволы «Нокка», лежавшие в удобном разломе древнего камня, смотрели точно в темный провал люка, но стрелять он пока не собирался.

Юслорф тем временем коротко свистнул, и из разведчика появились двое орти, почти скрытые традиционными балахонами. Один из них дернул многосуставчатой рукой, указывая куда-то за спины Хикки и Деметриоса, но Юслорф замотал башкой и что-то произнес.

«Трое? – подумал Хикки, – Или больше? Четвертый – связист, пилот? Или все-таки трое?»

– Ты думаешь, они нас не заметили? – прошептал Деметриос.

– Заметили, – ответил Хикки, – но они не могут понять, куда мы делись.

В его шлеме вновь раздались взвизгивания связиста, который отчаянно повторял свои позывные на всех доступных ему диапазонах. Хикки даже померещилось, что он слышит, как орти нервно перещелкивает тумблеры на своем пульте.

Четверо, понял Хикки. Шансы высоки, и, следовательно, мы не опоздаем.

– Возьмешь на себя нашего сопляка, – приказал он Деметриосу. – Очень хочется – живым... ясно?

Майор кивнул и погладил ладонью казенник своей пушки.

– Будет... на раз-два-три?

– Уже – три!..

Они вылетели из-за валунов одновременно. Едва приземлившись, Хикки вскинул излучатель – два глухо ударивших выстрела отшвырнули обоих орти под тонкие телескопические опоры разведчика. Юслорф завертел головой, пытаясь понять, что произошло, но почти сразу же свалился на землю, сметенный могучим ударом Деметриоса. Хикки не стал смотреть, что будет дальше. Пригнувшись – люк был невелик – он заскочил в тесную шлюзокамеру машины.

Он не знал устройства этого кораблика, но подозревал, что пост связи должен находиться наверху. Хикки бросил в петли опасный здесь «Нокк» и скользнул по узенькой лесенке, которая вела в «макушку» миниатюрного разведчика.

Едва его шлем высунулся над уровнем рифленого пола, как на него обрушился тяжелый удар, способный раскроить череп быку. Хикки качнулся, но не разжал пальцев – в следующую секунду он пружиной выскочил наверх. В его руке тускло сверкнул кинжал. Сидевший в узком наклоненном кресле связист пытался уйти от удара, но ему это не удалось – длинный, сложной формы клинок вошел в его лицо, пригвоздив голову к аппаратной стойке.

Хикки коротко вздохнул, вытер кинжал об ворсистую ткань кресла и спустился вниз. Под опорой шасси сидел Юслорф с роскошной шишкой на лбу, а рядом с ним, опасливо поглядывая на небо, курил Деметриос.

– Ага, – произнес Хикки, бросив короткий взгляд на пленного, – порядок. Марик, где мы можем спрятать эту штуковину? Тут есть что-нибудь типа ущелья? Или, еще лучше – большая пещера?..

– Пещер навалом, – отозвался Деметриос. – Но кто на ней полетит?

Хикки тяжело вздохнул и пожалел о том, что не захватил в поход свою любимую соску.

– Я полечу, я... конкретно на этой штуке я не летал, но принципы управления у них одинаковы на всей атмосферной технике. Справлюсь с Божьей помощью. Грузи этого уроды вовнутрь и поехали. Я боюсь, как бы тут еще кто-нибудь не объявился. Не нравятся мне все эти номера.

Деметриос бесцеремонно дернул Юслорфа за шиворот и забросил его вовнутрь шлюзо-камеры.

– И тихо у меня, ясно? – прорычал он.

Юслорф шумно сглотнул и почтительно закивал головой.

– Усрется до срока, – определил Хикки. – Не прессуй пока...

Согнувшись в три погибели, он пробрался в ходовую рубку и присвистнул. Органы управления были в общем знакомы, но их расположение, а также хаос из гнутых дисплеев и сенсорных плат навевали нехорошие мысли о профессиональной непригодности. Хикки кое-как всунул свое отнюдь не громоздкое тело в кресло и вздохнул.

– Запуск, – пробурчал он, – почему слева, а не справа?

Главный движок он пустил с первого раза, но дальше дело застопорилось – подниматься разведчик не хотел ни в какую. Кусая губы, Хикки скользил взглядом по пульту и читал многочисленные надписи. В конце концов он нашел нужный ему сектор тяги и крутнул подобие трэболла, заменявшее здесь привычный штурвал. Машина нехотя пошла вверх.

– Эй! – гаркнул Хикки не оглядываясь, – Марик! Давай, показывай дорогу!

Деметриос послушно протиснулся в рубку и посмотрел на экран.

– Поднимайся, – скомандовал он, – нам нужно пройти километров десять... там дальше начинается целая «долина разломов» – сплошные трещины, лощины и пещеры – размером с ангар каждая. Там и пристроимся. С управлением порядок?

– Да не очень-то, – раздраженно отозвался Хикки, накручивая трэболл, – все у них не как у людей... да и я хорош красавец, позабыл все на свете.

Рассерженно гудя – Хикки переборщил с нагрузкой двигателя – разведчик перескочил скальную гряду, и на экране появилась величественная картина огромного ущелья, изборожденного коричневыми провалами глубокой тени. Хикки восхищенно присвистнул.

– Вот это да... никогда бы не подумал, что здесь может быть такая красота. Но как мы отсюда выберемся?

– Выберемся, – хмыкнул Деметриос. – Я знаю дорогу.

Глава 7.

– Ну что, педрило, как самочувствие? – поинтересовался Хикки, с хрустом разминая пальцы.

Юслорф сидел на песчаном полу пещеры, в которую они загнали свой трофей, и с ужасом сверлил глазами внушительную фигуру Дементиоса, сладострастно поглаживавшего свой излучатель. Глаза гвардии гренадера были ласковы, как никогда.

– Отвечай, – утробно повелел Марик, слегка пнув экс-пилота носком своего ботинка.

Юслорф икнул и перевел взгляд на Хикки.

– Ч-что вам от меня нужно? – спросил он.

– Совсем немного, – ответил Хикки. – Все. Какого черта вы бросили «Олдридж» на орбите? Почему вы не посадили его сразу, а? К чему все эти странные маневры?

– Чич, – просипел Юслорф, – это все Чич... он очень боялся леггах, ему казалось, что они могут появиться в любую минуту: он сказал нам, что договорился с покупателями таким образом, что они посадят корабль сами, а нам лучше смыться от греха подальше. Тут еще радарный пост заклинило... мы ни черта не видели – Чич просто затрясся, ну и все... сели в боты и улетели.

– Вот уж не думал, что Фернандес такой ссыкун, – покачал головой Хикки. – Зато теперь он, наверное, должен быть доволен: камион как в воду канул, правильно?

– Правильно, – закивал Юслорф, – а откуда вы знаете?

Дементиос фыркнул и присел на лесенку разведчика, раскуривая сигарету.

– Умопомрачительно, – заметил он. – А?

– Ага, – согласился с ним Хикки. – Герои, мать их. Штурманцу моему дупло разодрали... зачем, а?

Юслорф всхлипнул и опустил очи долу.

– Это же Чич... причем тут я?

– Хрен с ним, с твоим Чичем. Где находится лагерь «зеленых»?

– Четыре тысячи отсюда... курс юго-запад. Там равнина, влажная равнина между двумя большими реками. Но у них там комплексы... эти, «Хаузеры».

– Которые не работают?

– Откуда вы знаете?

– Комплексы не играют никакой роли, – усмехнулся Хикки. – Они неисправны. Мы везли запчасти для всего этого дерьма. Теперь запчасти пропали, и «зеленые», наверное, здорово мечтают икру, да? Впрочем, мне на все это плевать – и на «Хаузеры», и на запчасти. Я хочу отсюда выбраться...

– Ты сам с собой беседуешь? – насмешливо перебил его Дементиос.

– Да, типа того... Скажи, Юслорф, эта база – она тут одна, или есть еще какие-то?

– П-по крайней мере я о других не знаю. – От ужаса пилот начал заикаться: Хикки чувствовал, что еще немного – и он просто потеряет способность говорить, скатившись в истерику. – Может быть, Чич...

– А где – Чич?

– Ну как где?... там, с ними. Они его держат и никуда не отпускают – до тех пор, пока мы не найдем корабль. Они почему-то думают, что Чич их надул.

– Я, наверное, тоже бы так подумал. Представляю, как сияла его рожа, когда ему сообщили, что «Олдриджем» на орбите и не пахнет. А скажи-ка мне, Юслорф: Чич знал, что я служил в Конторе?

– Д-да... он вас узнал в первый же день.

– Узнал?!

Хикки вытарашил глаза и несколько секунд ловил широко раскрытым ртом прохладный воздух пещеры. Каким образом Фернандес мог его узнать – они что, встречались? Или у этих сукиных детей разведка поставлена не хуже, чем у Конторы?

– Почему же он тогда не прибил меня сразу? А?.. Почему?

– Он вас очень боялся. Из-за этого он приказал мне и Бенни перекрыть вентиляционную систему вашей каюты и пустить туда «Сигнум». У него был целый баллон, он дал его нам и велел пошевеливаться... это было перед поворотом.

– Это я и без тебя знаю.

Хикки сплюнул и отошел в сторону. Деметриос вопросительно поднял на него глаза и цыкнул в сторону пленного.

– Ну не кормить же его, – сказал Хикки и провел ладонью по горлу.

Метрополия, Нейландские горы; тогда же.

– Мать твою, а... – голос Этерлена был полон горечи и разочарования.

– И я о том же, – устало согласился его собеседник.

Этерлен сполз с подушки высокого кресла, подошел к окну и по пояс высунулся на воздух. Сплюнул, поглядел на траекторию плевка и тяжело вздохнул.

– Что теперь? – спросил он. – Что дальше? Как мы найдем продавцов?.. все, что мы имели – это Гудвин. Теперь, когда от него осталось исключительно мокрое место...

– Не спеши психовать, – ответил его абонент. – Лучшее, что ты сможешь сделать – это прямо сейчас, не завязывая шнурков, сесть в «Пуму», и вылететь на чертову Аврору.

– Кто у нас там есть?

– Для тебя – никого. Ты, ты сам – и все. Сроку тебе сутки.

– А если не уложусь?

Теперь вздохнули там, за несколько парсек от столицы.

– А ты уложись. Маленький, что ли? Ключевое слово – Эрилак.

– Эрилак? – генерал не поверил своим ушам. – Вы что, смеетесь?

– Я рад бы посмеяться, да все плакать хочется. Это мнение одного из лучших асов ВКС: парня, которому я вполне доверяю. Понимаешь, у них не получалось никакого другого поворота...

– Тогда вам нужно срочно искать Сахеба. Дело принимает совершенно новую окраску. Это уже политика.

– Тайная политика, – сухо рассмеялся человек издалека. – Ты думаешь, я уже впал в маразм? Сахеба ищут.

– А вам, конечно, уже мерещатся все выгоды от этой сделки...

– Ты много говоришь. Ты собираешься вылетать, или тебя нужно пнуть под зад?

– Я уже бегу, вице-маршал.

* * *

– Ублюдок не соврал, – сказал Хикки, – вот откуда они стартовали.

Деметриос с интересом посмотрел через его плечо на небольшой дисплей навигационной системы. Курс разведчика был вычерчен над очертаниями континента яркой желтой линией.

– Здесь стоит система автофиксации курса, – объяснил Хикки, – для того, чтобы машина могла вернуться с ранеными пилотами – тому, кто уцелеет, достаточно лишь запустить соответствующую программу.

– Любопытно, – хмыкнул Марик, – я и не думал, что мы так близко к океану.

– Наверное, они начали искать «Олдридж» по всей планете... – размышлял Хикки, – а теперь примутся за поиски еще и этой лоханки. А может, и нет. Во всяком случае, нам следует удвоить осторожность и пореже высовываться на открытые места.

– Что ты собираешься делать? – перебил его Деметриос.

Хикки откинулся на спинку узкого креслица и задумчиво пожевал губами. Он не знал, что делать... он даже не знал, чего ради они захватили эту машину – заведя приближающийся аппарат, Хикки действовал на уровне подсознания. Фактически, сейчас он оказался в ситуации, как две капли воды похожей на многочисленные тренировочные игры. Вводная: полностью экипированный рейнджер на территории, занятой условным противником. Но в играх была боевая задача, был определенный срок ее исполнения и был финал в виде прибытия основных войсковых сил или же корабля обеспечения – здесь, на Эрилаке, ничем подобным и не пахло.

– Имея мощный передатчик, мы можем попробовать докричаться до ближайшего патруля. Если он будет находиться в том курсовом секторе, который смотрит на нашу систему, то дежурная связь примет сигнал. Если нет – тогда нас не услышит никто.

Деметриос скептически фыркнул.

– Передатчик! Где ты его здесь видел? На таком расстоянии – нам нужен субволновой стационар... или башня крупного корабля. У тебя есть крупный корабль? Линкор, суперкрейсер?... не смей меня.

Хикки прищурился. Он знал, где взять передатчик, но не решался высказать мысль, которая крутилась в его голове. Вшестером пытаться захватить узел связи «Зеленого Узора»? Если бы это были шестеро рейнджеров и с комплектом спецснаряжения – теоретически, можно: кто-то все-таки прорвется и подаст сигнал. Но в его ситуации, когда смерть хотя бы одного из участников этого безумия делала его бессмысленным?... По любому, даже самому оптимистическому сценарию выходило, что до цели дойдет один, максимум два человека.

– У меня вдруг появилось одно странное ощущение, – Хикки шмыркнул носом и вытащил из кармана любимую бутылочку. – Мне отчего-то кажется, что мы влипли в какую-то дерьмовую историю.

– Да уж, медом тут не пахнет, – согласился Деметриос, не понимая, к чему он клонит.

– Нет... нет. Мне кажется, что вся эта чертовщина будет иметь какое-то продолжение. Я спросил себя: кто, какая рука могла отвинтить на Авроре целый воз железяк для этого самого «Хаузера»?

– Рука, наверное, крепкая, – осторожно кивнул Деметриос. – А дальше?

– А дальше то, что либо сам Дед, либо кто-то из его мальчиков наверняка на эту руку все время смотрел... просто в какую-то секунду отвернулся – прикурить там, или нужду справить. А ручка шевельнулась: улавливаешь?

– Честно говоря, не очень.

– Марик, да неужто ты думаешь, что забавы такого уровня могли ускользнуть от «недремлющего ока» нашей славной Конторы?

– Но ты же сам видишь, что ускользнули.

Хикки скептически усмехнулся. Ускользнули, как же... никогда я в это не поверю. Просто мальчики где-то действительно промахнулись – вот и все дела. Они промахнулись, а я должен сосать какашки, сидя на этом, будь он не ладен, Эрилаке.

А вот фиг вам, решил он. Не хочу и не буду.

Способ действий начал медленно оформляться в его голове, принимая более-менее законченный вид.

– Марик, ты когда-нибудь слышал, чтобы эти уроды летали ночью?

Деметриос помотал головой.

– Ни разу. В основном они появлялись до полудня.

– Правильно – орты темноту не любят до смерти. А для нас ночь – самое милое дело, а? Если до заката мы не услышим, что они нашли и, следовательно, подняли мой старый «Олдридж», я сделаю так, что поднять они его больше не смогут. Я «обрежу» этим уродам всю опорную тягу – и посмотрим, как они будут его разгружать. Калоша лежит по брюхо в болоте, причем поверь мне: там такое болото, что никакая техника, кроме, наверное, имперского ТТТ, туда не пробьется.

– Но, послушай, – вдруг произнес Деметриос, – а почему бы нам не попытаться удрать на твоём камионе?

Хикки заржал и посмотрел на десантника, словно на сумасшедшего. Подобная идея не пришла бы ему в голову при любом раскладе.

– Ты не перегрелся? – заботливо спросил он. – Далеко мы улетим, как ты считаешь? Горючка у нас кончится на выходе из системы – и это еще в том случае, если нам дадут из нее выйти. Марик, Марик... выпей лучше виски, остуди мозговую мышцу.

... Багровый диск закатного солнца целиком скрылся за уродливыми зубцами скальной гряды, и Хикки решительно отшвырнул в сторону окурков.

– Все, сегодня они уже не появятся, это я говорю как специалист. Спускаемся.

Деметриос выбрался из широкой расщелины, в которой прятались они с Ирэн, и начал осторожно спускаться в долину, где находился трофейный разведчик. Девушка двигалась по его следам.

Хикки последний раз вслушался в быстро темнеющее небо, и нырнул вниз. Он двигался гораздо быстрее остальных: давние навыки вкупе со специальной обувью позволяли ему катиться вниз со скоростью горошины, не боясь свернуть шею. Добравшись до пещеры, он включил сканер на обнаружение противника, и облегченно вздохнул: за время их отсутствия ни одна тварь не успела забраться в огромную нору.

В конце спуска Деметриос пропустил Ирэн вперед себя и снял с плеча свой излучатель. Теперь он двигался, нервно вглядываясь в темное небо: наступало время страшных летающих хищников.

– Черт! – неожиданно выкрикнула Ирэн. – Кто это?

– Это твой приятель Юслорф, – объяснил Хикки, сообразив, что она увидела. – Его уже успели немного объесть, не правда ли? Теперь он – часть пищевой цепочки этого гостеприимного мира... славная участь, как ты считаешь?

– Проглотил бы ты свой язык, – глухо отозвался Деметриос. – Нашел о чем говорить. Смотри, как бы тебя не сожрали.

Ирэн передернуло. Подняв голову, она увидела фигуру Хикки, выделявшуюся на фоне громадного черного провала.

– Запрыгивай, – предложил он, – нам пора в путь.

– Ты уверен, что найдешь то место, где посадил свою лохань? – спросил Деметриос.

Хикки молча пожал плечами и шагнул в густую тьму.

– Я всегда смогу вернуться туда, где уже был.

Через четверть часа он опустил машину на опаленный бурелом под бортом «Олдриджа». Корабль находился в том же самом состоянии, в котором они его оставили: внешняя бронедверь шлюза была попрежнему распахнута и тускло тлела зеленым светом резервного освещения.

Хикки первым выбрался из тесного чрева разведчика, замер на стволе поваленного дерева и втянул носом затхлый холод болота. Дым, который сопровождал их высадку, давно исчез, и теперь здесь пахло только сыростью и гниющими водорослями.

Не дожидаясь своих товарищей, Хикки перепрыгнул на соседнее дерево, а с него – на трап корабля. За его спиной сдавленно выругался Деметриос, ухитрившийся упасть и по колено

погрузиться в вонючую жижу. Более удачливая Ирэн протянула ему руку и вскоре они оказались в камере шлюза. За контрабандистом тянулся бурый след жидкой грязи.

– Черт, я промочил ноги, – пожаловался он. – Может, на палубах есть ботинки моего размера?

– Есть, наверное, – флегматично отозвался Хикки, – только тебе придется снимать их с разлагающегося трупа.

Деметриос шумно сплюнул.

Внешняя дверь шлюза медленно закрылась, зеленый свет сменился красным. Через пару секунд он дрогнул и вновь переменялся, теперь уже на мертвенно белый – раскрывались внутренние створки.

– Нам в корму, – сообщил Хикки, выходя в коридор.

– Может, пошарить по каютам? – предложил Деметриос. – Вдруг найдем что-нибудь полезное.

– В каютах нет ничего интересного, – ответил Хикки, – кроме трупов. Ублюдки перерезали половину экипажа... и вообще – ты что, собрался здесь зимовать?

– Нет, ну я... я не знаю. Может, тут полно жратвы? Батарей, чего-нибудь еще?

Хикки загадочно усмехнулся и нырнул в слабо освещенный овал аварийной лестницы – так было быстрее.

– Если мне не везет, то по-крупному, – буркнул он себе под нос.

Он остановился перед узкой металлической дверью, которая вела в генераторную «яму» двигателей опорной тяги. Дверь была, разумеется, замкнута, а командирский ключ то ли остался в каюте, то ли вообще пропал в нервной сумятице эвакуации. Пошарив по стене, Хикки сорвал со щита аварийный лом и протянул его Деметриосу:

– Давай, дави... снизу.

Сам он вооружился коротким багром. После нескольких минут пыhtения и раздраженного мата дверь удалось сдвинуть. Отпихнув Деметриоса, Хикки сломал фиксаторы, торчавшие из ребра дверного проема, и легко оттолкнул дверь в сторону. Путь был свободен.

– Ты хочешь взорвать генератор? – спросила Ирэн.

– Я что, дурак? Они смогут взлететь на резерве... нет, мы сделаем иначе.

Энергоотсек отказался довольно просторным помещением, посреди которого возвышалось кольцо блестящих поручней ограждения. За ними, в неглубокой темной шахте, покоился гладкий черно-желтый цилиндр генератора.

На генератор Хикки и не смотрел. Оглядевшись по сторонам, он решительно подошел к противоположной от входа стене и ударом багра сорвал дверцу большого распределительного шкафа. Под потолком тотчас завывала аварийная сирена. Хикки выдернул из кобуры «Моргенштерн» и, почти не целясь, выстрелил. Сирена смолкла; на рифленый металлический пол с тонким шипением упали две капли кипящего пластика.

– Идите сюда, – позвал Хикки.

Приблизившись, Ирэн сразу поняла, что он хочет сделать. Здесь, в энергоотсеке движков опорной линии, помимо генератора находился главный управляющий «мозг» системы, без которого корабль не сможет оторваться от поверхности планеты.

– Откручивайте это шасси. – приказал Хикки, указывая на полупрозрачный купол, под которым угадывалось разноцветное месиво кристаллов, тончайших световодов и вакуум-ловушек. – Я пока займусь другим.

Следующим ударом лома он сбил с петель пластиковую дверцу в противоположном углу зала и, нагнувшись, с треском вырвал из щита пару темных многогранных цилиндров, за которыми тянулся целый шлейф волосинок-световодов.

– Вот так, – негромко проговорил Хикки, – теперь вы у меня подниметесь.

Ирэн и Деметриос закончили отщелкивать замки, удерживавшие центральный процессор и выдвинули его из шкафа. Контрабандист легко поднял довольно увесистую конструкцию и хотел было грохнуть ее об пол, но Хикки удержал его:

– Нет-нет... кристаллы уцелеют, а все остальное может быть в ЗИПах – кто его знает? Лучше утопим «мозги» в болоте – так оно будет надежнее.

Белый свет сменился красным, прошуршали насосы, и снова вспыхнул зеленый плафон. Держа цилиндры энергообменников на плече, Хикки первым выбрался из шлюза, спустился по трапу и встал на бревно, раздумывая, куда бы их закинуть. Ему требовалась достаточно глубокая лужа, но «олдриддж» сидел на затопленном острове метров пятисот в поперчнике, и воды тут было не более чем по колено.

Хикки выругался и, балансируя на опаленных стволах деревьев, запрыгал в сторону черного массива сгоревшего кустарника – ему казалось, что там начиналось собственно болото.

Он не успел сделать и трех шагов.

Что-то темное стремительно закрыло ограниченный прорезью забрала мир, и на затылочную часть шлема обрушился страшный скрежещущий удар – казалось, по бронепласту проскользили какие-то громадные иззубренные ножницы. В следующий миг в ноздри ударил отвратительный горький смрад, а Хикки, не до конца еще понимая, что с ним происходит, рухнул на спину.

Забрало шлема захлопнулось автоматически. На его обратной стороне электроника прорисовала жуткую, гипнотически влекущую картину: в метре от лица Хикки грациозно изгибалось темное тело воздушного охотника – понизу его расходилась, готовясь к новому заходу, почти полуметровая диафрагма, щедро украшенная режущими пластинами. Хикки не сомневался, что ни шлем, ни наплечник проклятая тварь не прокусит, но – в голове все смешалось, грудь сдавил невыносимый, атавистический страх, и он закричал.

Одновременно с его криком от трапа ударили частые нервные очереди.

Не слыша их, Хикки продолжал реветь. Тренированное подсознание постепенно вытеснило миллионилетний паралич, и теперь к страху примешивалась ярость. Правая рука скользнула вдоль бедра, и четырехствольный «Нокк» вылетел из петель, уже готовый к бою. Тьму взрезали четыре ослепительно-голубые молнии.

Они могли пробить танк. Тело ночного пирата на секунду вспыхнуло алым пламенем и – исчезло, лишь отдельные, нестерпимо смердящие его фрагменты плюхнулись в жижу и с шипением исчезли под водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.